

Оглавление

Предисловие.....	5
Часть первая	
Представления о нравственных ценностях в 1941 – 1942 гг.	
Глава I. Ленинградская трагедия	11
«Смертное время».....	11
Признаки распада нравственных норм.....	49
Глава II. Содержание нравственных норм	74
Понятие о чести.....	74
Справедливость.....	97
Милосердие.....	113
Отношение к воровству.....	143
Глава III. Смещение границ этики	164
Нарушение нравственных норм: аргументы самооправдания.....	164
Принуждение к соблюдению нравственных норм: мотивация жестокости как средства спасения.....	180
Глава IV. Влияние нравственных норм на поведение людей	206
Обращение за помощью.....	206
Благодарность за помощь.....	230

Часть вторая
Пространство этики

Глава I. Семья	253
Сострадание, утешение, любовь.....	253
Этика родственников: сохранение и распад.....	289
Похороны.....	334
Глава II. Друзья и близкие	349
Друзья.....	349
Соседи.....	361
Сослуживцы.....	375
Глава III. Власть	392
Правила поведения	392
Привилегии.....	407
Глава IV. «Незнакомые» люди	419
Беспризорные дети	419
Ослабевшие люди на улицах.....	433
«Дистрофики»	447
Блокадники в «очередях»	462

Часть третья
Средства поддержания нравственных норм

Глава I. Представления о цивилизованном порядке: формы упрочения	474
Искусство, творчество, чтение.....	474
Рассказы о блокаде.....	490
Рассказы о прошлой и будущей жизни.....	496
Поддержание социального статуса	509
Дневники и письма	525
Государственный и общественный контроль.....	539
Глава II. Самоконтроль	557
Программы поведения.....	557
Самонаблюдение	569
Ленинградцы в «смертное время»: человеческое, сверхчеловеческое	591

*Господи, мы знаем, кто мы такие,
но не знаем, чем можем стать.*

У. Шекспир. «Гамлет»*

Предисловие

Любой человек, приступающий к описанию блокадной этики, испытывает сильнейшее эмоциональное напряжение, увидев бездну невероятных страданий, неисчислимых утрат, неизбывного горя. Холодное, бесстрастное повествование о ленинградском кошмаре 1941–1942 гг. невозможно. Людям свойственно чувство сопереживания и потому страшное прошлое с заревом бесчисленных пожаров, с потрясающими картинами массовой гибели горожан на глазах их родных и близких, с истерзанными бомбежками улицами обжигает сегодня и будет обжигать всегда. Здесь могут показаться неуместными сдержанность, научный слог, обдуманность исследовательских приемов. Но другого пути нет. Чтобы понять, как выстоял человек, надо принимать его таким, каким он был — без попыток смягчить рассказ, без искажений и умолчаний. Лишь увидев ленинградца-блокадника во всем многообразии его противоречивых характеристик, рассмотрев те грани его облика, в которых светлое перемешивалось с темным, мы можем представить и глубину той чаши испытаний, которую ему пришлось испить, и цену, заплаченную за то, чтобы не только выжить, но и сохранить человеческое достоинство.

Ленинградская трагедия отражена в тысячах документов. Вряд ли другие события Великой Отечественной войны столь подробно описаны буквально по дням. Воспоминания, дневники и письма являются ценнейшим источником для освещения истории блокады,

* Пер. М.Л. Лозинского

но даже еще совсем недавно они использовались с чрезмерной осторожностью. Отчасти причиной тому были идеологический контроль и самоцензура исследователей. Блокадная повседневность, какой она предстает перед нами со страниц дневников и писем — даже в тех случаях, когда их авторы являлись безусловно политически лояльными и использовали в «речи для себя» официозные формулы, — оказывалась исключительно бесчеловечной и жестокой. В научной и популярной литературе старались не допускать развернутых описаний слабостей людей и их беспомощности.¹ Поэтому приходилось либо не вчитываться в такие тексты глубоко, либо высвечивать одни эпизоды и отодвигать в тень другие. Сделать это было непросто. Как и любые другие исторические источники, блокадные документы можно было «смягчить» и отредактировать *post factum*. Но придать требуемое направление позднейшим запискам было все же легче, чем ломать спаянные между собой записи дневников и пытаться соединить разрозненные цитаты, вырванные из писем. Здесь не помогли бы комментарии и автокомментарии к дневниковым текстам времен войны — опыты такого рода можно встретить в публикациях о блокаде 1970–1980-х годов.²

Полноценному использованию дневников и писем препятствовало и другое обстоятельство. Сама манера, стиль и сценарии изложения, используемые авторами публикаций о блокаде (как научных, так и художественно-публицистических), подчиняли их замысел следующей схеме: испытания — героизм — победа как награда за подвиг. Миф стал частью исторического сознания, но его возникновение не всегда может быть объяснено только идеологическим давлением. Это мы видим даже по тем исследованиям, которые были созданы после распада СССР.

Еще одним препятствием для воссоздания целостной и правдивой картины осады Ленинграда является самоцензура тех, кто писал о блокаде. Это одна из болезненных тем, и не коснуться ее нельзя. Публикация наиболее откровенных записок и дневников,

¹ Блум А. Блокадная тема в цензурной блокаде // Нева. 2004. № 1. С. 244.

² См., например: Память: Письма о войне и блокаде. Л., 1985; Память: Письма о войне и блокаде. Вып. 2. Л., 1987; Кулагин Г. Дневник и память. О пережитом в годы блокады. Л., 1978.

передающих страшную правду о войне, до середины 1980-х гг. была крайне затруднена. Если они и печатались, то со значительными сокращениями. «Блокадную книгу» А. Адамовича и Д. Гранина удалось выпустить в свет впервые только в Москве. Отметим и высказанный ленинградскими цензорами упрек Л. Гинзбург в том, что в своих записках она много места уделяет еде. Характерным являлся и отбор документов для публикации. Нередко обращались лишь к тем из них, где преобладали оптимистические ноты и смягчались ужасающие подробности распада человеческой личности. Неудивительно поэтому, что такие беспристрастные свидетели трагедии, как Д. С. Лихачев и В. М. Глинка, давали нелицеприятные оценки «блокадной» литературе 1940–1970-х гг.³

Меньше всего обвинений можно адресовать самим авторам документов. Их воспоминания, дневники и письма сейчас почти все стали доступными для исследователей, и мы имеем право утверждать, что они старались честно рассказать, хотя и с разной степенью полноты, о тех лишениях и страданиях, которые им пришлось пережить. «Вы неудачно попали, если хотите услышать что-нибудь положительное», — скажет одна из блокадниц, когда у нее начали брать интервью.⁴ Конечно, не во всех описаниях блокадных будней отразились темные стороны тех дней. Самоцензура чувствуется по обилию патетических вкраплений, чуждых большинству документов, созданных блокадниками. Ее можно обнаружить и прямо, видя зачеркивания в подлинных текстах, отредактированных авторами. Скрупулезная «вычистка» в них названий объектов, подвергшихся бомбардировке, возможно, была необходима в условиях того времени. Но мы можем встретить и такие пометы, которые призваны смягчить высказанные в этих документах жесткие оценки. Так, в одном из дневников автор в предложении «как быстро мы докатились» вместо слова «мы» поставил «наши столовые».⁵ Такие поправки следует признать симптоматичными.

³ Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1997; Глинка В. М. Блокада // Звезда. 2005. № 1.

⁴ Интервью с С. П. Сухоруковой // Нестор. 2003. № 6. С. 177.

⁵ Коноплева М. С. В блокированном Ленинграде. Дневник. 8 сентября 1941 г.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 368. Д. 1. Л. 66.

Особо следует сказать о записках, предваряющих текст документов. «Считаю нужным отметить, что в некоторых случаях я отмечала не только факты, но и “слухи”, которыми жили и которые жадно ловили ленинградцы в тот период, когда не было ни газет, ни радио, отсутствовали телефон и почта», — это объяснение в письме в Гослитиздат 9 июня 1943 г., приложенном к тексту дневника М. С. Коноплевой,⁶ больше похоже на оправдание. В ряде случаев, напротив, извинялись за то, что их описания смягчены.⁷

Давлением военной и иной цензуры и необходимостью идти на уступки, чтобы увидеть свою книгу опубликованной, это не всегда можно объяснить. Здесь, во-первых, сказалось влияние историографического канона освещения блокады, получившего окончательный вид в середине 1960-х гг. Обоснованно или нет, но именно в нем многие блокадники видели недвусмысленное признание совершенного ими подвига. Другой схемы часто не знали, и она сильнее усваивалась, в том числе и потому, что пропагандировалась всеми средствами идеологического воздействия. В соответствии с этим канонам очевидцы блокады выстраивали свое повествование, заимствовали опробованные здесь различные формулировки и риторическую лексику.

Отмечалось прежде всего то, что обратило на себя внимание необычностью и драматизмом, что являлось самым значимым для спасения людей. Спокойствия рутинных записей, оттеняющих незначительные детали, мы здесь почти не встретим. Это вполне оправдано и понятно, но иногда не позволяет исследователю выявить повседневные блокадные практики во всем многообразии их связей, в сцеплении случайных и неслучайных обстоятельств.

Во-вторых, сдержанность в передаче кошмарных подробностей блокады в значительной мере была обусловлена присущими человеку этическими запретами. Не все готовы были описывать крайние формы физиологического и нравственного распада людей, особенно родных и близких. В этом видели бестактность по отношению к жертвам войны, нарушение семейных традиций, проявление

⁶ Коноплева М. С. В блокированном Ленинграде. Дневник. 8 сентября 1941 г.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 368. Д. 1. Л. 1.

⁷ Шулькин Л. Воспоминания баловня судьбы // Нева. 1999. № 1. С. 153.

ние неоправданной жестокости. Этика сочувствия требует, чтобы взгляд не останавливался излишне долго на скорбных картинах агонии человеческой личности, отмеченных прежде всего именно в дневниках.

Но не только самоцензура авторов документов делает для историков трудным их использование. Эмоциональность рассказов о войне, вполне понятная, если учесть, какую чашу горя пришлось испытать горожанам в те дни, вместе с тем не дает возможности в полной мере представить все детали конкретных событий — они иногда заменены имеющими пафосный характер обобщениями. Желание людей высоко оценить тех, кто помог им в трудную минуту, делает ряд их характеристик идеализированными, лишёнными противоречий и сложностей — иначе, впрочем, не могло и быть. Отметим также, что многие блокадники смогли наблюдать лишь малую частицу того, что происходило в городе в это драматическое время. Их передвижения ввиду истощенности и отсутствия транспорта были ограничены, тысячи ленинградцев стали «лежачими». По поступкам нескольких человек они могли составить мнение о поведении всех и отстаивали свои оценки бескомпромиссно и с убежденностью, хотя многие из них были основаны на свидетельствах других людей.

Вполне естественным являлось желание блокадников передать свои наблюдения в наиболее яркой форме, в литературном оформлении — в некоторых случаях это вело к хаотичности рассказа, преследовавшего в первую очередь художественные задачи, делало его менее достоверным, позволяло убирать на второй план не очень красочные эпизоды. Изучая свидетельства блокадников, мы также должны иметь в виду, что их внимание к тому или иному событию не всегда отражает степень важности его в ряду эпизодов осады Ленинграда, а высказанные ими мнения не всегда типичны в целом для горожан. Должны обязательно учитываться уровень их культуры, преобладающие интересы, способность к глубокому самоанализу. И, конечно, должны обязательно приниматься во внимание степень их ответственности за свое дело, их желание оправдаться в своих поступках, их личные симпатии и антипатии — только в этом случае можно оценить подлинные мотивы их действий.

Эта книга — о цене, которую заплатили за то, чтобы оставаться человеком в бесчеловечное время. Люди, не покинувшие город, возможно, надеялись, что беда обойдет их стороной. Никто и предположить не мог, что им придется пережить. Когда же они поняли, в какой пропасти оказались, им некуда было идти. Они должны были узнать, какими безмерными могут стать человеческие страдания, жестокость и безразличие. Пришлось увидеть все — своего ребенка, искалеченного после бомбежки, умирающую мать, просящую перед смертью крошку хлеба, но так и не получившую ее. И бесконечную череду других блокадников — безнадежно сопротивлявшихся распаду, призывавших к состраданию и умолявших о помощи. Светлой памяти этих людей, принявших смерть в невероятных муках, посвящается моя книга.

Часть первая
**Представления о нравственных ценностях
в 1941–1942 гг.**

Глава I. Ленинградская трагедия

«Смертное время»

1

«Смертное время» — так, по свидетельству В. Бианки, называли многие ленинградцы самые страшные, голодные месяцы конца 1941 — начала 1942 гг.¹ Истощение, холод, отсутствие цивилизованного быта, болезни, апатия во всех ее проявлениях, ослабление родственных связей не могли не повлиять на поведение людей. Произошло это не сразу, но трудно не заметить последовательности размывания нравственных правил.

В первые месяцы войны, до сентября 1941 г., несмотря на введение карточек,² о голоде никто не говорил. Но сокращение

¹ Бианки В. Лихолетье. 22.VI.41–21.V.42. СПб., 2005. С. 180.

² См. записи В. И. Кабытовой: «...В июле по этим карточкам выдавалось довольно прилично: рабочим — 800 граммов хлеба в день, служащим — по 600 граммов. Практически такую норму было и не съесть. Мяса рабочим в месяц полагалось по 2 килограмма 200 граммов, служащим — по 1200 граммов, кроме того, без всяких карточек работали коммерческие рестораны и кафе... Всюду было сколько угодно мороженого, пива, пирожков» (Кабытова В. И. Об одной ленинградской блокадной семье // Нева. 2005. № 10. С. 147). Продукты по «карточкам» могли выдать сразу вперед за весь месяц, в столовых за питание талонов не брали (Там же.). См. также воспоминания А. П. Бондаренко: «В начале августа 1941 г. давали

ассортимента продуктов со временем становилось все заметнее. Паника,³ возникшая после очередного снижения норм отпуска хлеба — 12 сентября 1941 г. стали выдавать 500 г рабочим, 300 г служащим, 200 г детям⁴, — едва ли являлась случайной. Она, помимо прочего, была и отражением неутешительных сводок с фронтов и «негативных» слухов о запасах продовольствия в городе. О голоде все чаще начали говорить в октябре 1941 г. Перестали продавать мясо, сахар и крупа стали отпускаться по таким нормам, которые не обеспечивали физиологических потребностей людей.⁵ Именно тогда и стали более массовыми вылазки горожан на пепелища разбомбленных в сентябре Бадаевских складов в поисках «сладкой» земли, которую промывали, снимали грязную накипь и использовали как сахар. Не очень привычной, «грубой» пищи перестали чураться. Когда на витрине одного из ресторанов в октябре 1941 г. вывесили объявление о продаже «конских котлет», в первый день, по свидетельству В. Г. Даева, «прохожие только покачивали головами, мало кто заходил».⁶ На следующий день объявление было сорвано, а у дверей стояла толпа.⁷

по карточкам столько продуктов, что не выкупишь» (*Бондаренко А. П.* О блокаде: Архив семьи П. К. Бондаренко).

³ «...Никаких пирожков, никакого мороженого. Магазины опустели в течение одного дня: все брали на карточки перед» (*Кабытова В. И.* Об одной ленинградской блокадной семье. С. 148).

⁴ *Соколов А. М.* Битва за Ленинград и ее значение в Великой Отечественной войне. СПб., 2005. С. 98.

⁵ *Байков В.* Память блокадного подростка. Л., 1989. С. 39.

⁶ *Даев В. Г.* Принципиальные ленинградцы: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1273. Л. 102.

⁷ Ср. с воспоминаниями Г. И. Козловой о том, как позднее, в конце 1941 г., ей удалось получить конину: «...Мне сказали, что одной работнице кто-то принес лошадиную ногу... Я разыскала ее. ... Она мне обменяла самую нижнюю часть ноги с копытом и подковой на туфли и старую кофточку. ...Подкова была тяжелой. На работе мне не смогли ее отбить. Пришлось нести все домой... Эту ногу мама потом варила... почти месяц — пока копыто не стало мягким, как резина — все же был навар, а не вода» (*Козлова Г. И.* Мои студенческие годы (Страницы из воспоминаний бывшей студентки приема 1940 г.) // «Мы знаем, что значит война...» Воспоминания, письма, дневники универсантов разных лет. СПб., 2010. С. 202).

«Обычно я почти не ела мяса и питалась в вегетарианской столовой, теперь я его съедаю с жадностью и охотно ела бы ежедневно», — записывала в дневнике 5 октября 1941 г. М. С. Коноплева.⁸ Ее сосед в столовой Эрмитажа 9 октября 1941 г. прямо спросил ее о том, голодает ли она, и признался: «А я теперь всегда голоден».⁹ «То же приходится слышать от всей молодежи», — так прокомментировала М. С. Коноплева его ответ.¹⁰ Не все бы тогда согласились с ней,¹¹ но было ясно, что люди подходили к той грани, за которой начинался распад. Отмеченное многими в октябре 1941 г. «вечное сосание под ложечкой», по выражению К. И. Сельцера,¹² становилось с каждым днем все более угнетающим. Ничего сделать было нельзя: запасы у всех подходили к концу, нормы пайка снижались постоянно. И никто не знал, как выбраться из этой ямы. Поиски еще оставшихся в магазинах продуктов были самой распространенной, но малоудачной попыткой «подкормиться». Других способов не находили, а во многих случаях и не умели их искать; ожидали, что все это скоро кончится или не будет иметь ощутимых последствий.

Надежды на «черный рынок» тоже быстро исчезли. В конце 1941 — начале 1942 г. руководители лабораторий, учреждений

⁸ Коноплева М. С. В блокированном Ленинграде. Дневник: ОР РНБ. Ф. 368. Д. 1. Л. 125–126.

⁹ Там же. Л. 135.

¹⁰ Там же.

¹¹ См. запись в дневнике Л. Эльяшевой 8 октября 1941 г. (*Эльяшева Л.* Одним бы глазом увидеть победу // Нева. 2005. № 5. С. 253); запись в дневнике А. П. Остроумовой-Лебедевой 15 октября 1941 г. (*Остроумова-Лебедева А. П.* Автобиографические записки. Т. 3. М., 2003. С. 297).

¹² *Сельцер К. И.* Дневник. 12 октября 1941 г. Цит. по: *Глезеров С.* От ненависти к примирению. СПб., 2006. С. 44; ср. с записками Л. Эльяшевой: «В октябре желание есть, сосущее чувство голода становилось все назойливее... Оно гнало в буфеты и столовые в поисках еды с интересных лекций» (*Эльяшева Л.* Одним бы глазом увидеть победу. С. 252). См. также запись в дневнике Е. Мухиной, сделанную в октябре 1941 г.: «150 граммов хлеба нам явно не хватает... Я до школы ночами все съедаю, а целый день сижу без хлеба... Все время внутри что-то сосет. ... Как хочется поесть» (*Мухина Е.* Дневник: Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 11. Д. 72. Л. 51).

и квалифицированные рабочие получали в месяц 800–1200 руб., профессор университета 600 руб., научные работники среднего звена и бухгалтеры — 500–700 руб., уборщицы — 130–180 руб.¹³ Государственная цена на хлеб до января 1942 г. составляла 1 руб. 70 коп. за 1 кг, с января 1942 г. — 1 руб. 90 коп. На рынке же в декабре 1941 г. 1 кг хлеба стоил 400 руб., мяса — 400 руб., масла — 500 руб.¹⁴ Еще в декабре 1941 г. на рынке стали отказываться продавать продукты за деньги,¹⁵ и в январе — феврале 1942 г. хлеб обычно меняли на ценные вещи (золото, украшения).

Первые признаки настоящего, страшного голода обнаружили в ноябре 1941 г. Тогда и началось «смертное время» с нескончаемой чередой похоронных «процессий», дележкой крохотного кусочка хлеба, с лихорадочным поиском любых суррогатов пищи. «Этот голод как-то накапливается, нарастает и то, что еще недавно насыщало, сейчас безнадежно не удовлетворяет. Я чувствую на себе это резкое оголодание, томительную пустоту в желудке... Через час после относительно приличного обеда... подбираются малейшие крошки съестного, выскребаются до чистоты кастрюли и тарелки», — записывает в дневнике 9 января 1942 г. И. Д. Зеленская.¹⁶

Изучавший во время блокады тела «дистрофиков» известный патологоанатом В. В. Гаршин отмечал, что печень их потеряла $\frac{2}{3}$ своего вещества, сердце — более трети, селезенка уменьшилась в несколько раз: «Голод съел их... организм потребил не только свои запасы, но разрушил и структуру клеток».¹⁷ Каждый месяц этого времени имел свою, не единственную, но особую, жуткую примету: санки с «пеленашками» в декабре, не убранные многочисленные трупы в январе, и трупы, убранные в феврале — в штабеля.

¹³ Лазарев Д. Н. Ленинград в блокаде // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 5. СПб., 2000. С. 198; В. И. Равдоникас—Л. А. Равдоникас. 8 апреля 1942 г. // «Мы знаем, что значит война...» С. 537.

¹⁴ Лазарев Д. Н. Ленинград в блокаде. С. 198.

¹⁵ Жилинский И. И. Блокадный дневник // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 8 (Запись 21 декабря 1941 г.).

¹⁶ Зеленская И. Д. Дневник. 9 января 1942 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 35. Л. 50 об.; см. также записи в дневнике И. И. Жилинского 27 и 28 декабря 1941 г. (Жилинский И. И. Блокадный дневник. 1996. № 5–6. С. 15).

¹⁷ Гаршин В. В. В дни блокады // Звезда. 1945. № 7. С. 118.

2

Можно говорить о нескольких последствиях принявшей угрожающие размеры массовой голодовки. Прежде всего это апатия. Проявления ее были многообразными и индивидуальными для каждого человека. Нетрудно, однако, назвать и общие признаки физиологического угасания, отмеченные в Ленинграде в 1941–1942 гг.¹⁸ Это заторможенность, вялость — «отупение», как обычно характеризуется это состояние в блокадных записках и дневниках.¹⁹ Это слабость, или, как сильнее выразился один из блокадников,

¹⁸ Об апатии, ее причинах и проявлениях см. *Ерохина (Клишевич) Н. Н.* Дневник. 15 июня 1942 г.: Рукописно-документальный фонд Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда (РДФ ГММОБЛ). Оп. 1. Д. 490. Л. 34; *Бочавер М. А.* Это — было (Прядильно-ткацкая фабрика «Рабочий» в годы военной блокады. 1941/IX–1944/I. Быт и нравы блокадных лет): ОР РНБ. Ф. 1273. Д. 7. Л. 18, 33; *Худякова Н.* За жизнь ленинградцев. Помощь комсомольцев населению Ленинграда в блокадную зиму. 1941/1942 год. Л., 1948; *Глухова Г. И.* Был случай... // Нева. 1999. № 1. С. 221; *Верт А.* Россия в войне 1941–1945. М., 1963. С. 251–252; *Францкевич Н.* Кружка молока // Нева. 2002. № 5. С. 221; *Коц Е. С.* Эпизоды, встречи, человеческие судьбы // Публичная библиотека в годы войны. СПб., 2005. С. 192; *Капустина Е.* Из блокадных записей студентки // Нева. 2006. № 1. С. 220; *Хвилицкая М. И.* Симптоматология // Алиментарная дистрофия в блокированном Ленинграде. Л., 1947. С. 164; *Остроумова-Лебедева А. П.* Автобиографические записки. С. 261 (Дневниковая запись 5 декабря 1941 г.)

¹⁹ См. воспоминания В. Адмони: «Одна наша бывшая... приятельница рассказала, что видела в середине блокадного января, как я неподвижно стоял на углу Моховой..., глядя перед собой бесцельным, отсутствующим взглядом. Она прождала чуть ли не четверть часа, не шевельнусь ли я... Но ничего не изменилось» (*Сильман Т., Адмони В.* Мы вспоминаем. СПб., 1993. С. 250). См. также: *Виттенбург Е. П.* Павел Виттенбург: геолог, полярник, узник ГУЛАГа. (Воспоминания дочери). СПб., 2003. С. 280; *Баженов Н. В.* О том, как они умирали (Из записной книжки): Отдел письменных источников Новгородского государственного музея (ОПИ НГМ). Оп. 2. Д. 440. Л. 12 (Запись 15 января 1942 г.); *Ф. А. Витушкин—В.Х. Вайнштейну.* Цит. по: *Сивохина С. Л.* О жизни в блокадном Ленинграде. (По материалам архива В. Х. Вайнштейна в собрании ОПИ НГОМЗ) // Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Новгород, 2009. С. 97.

«дряхлость»²⁰ — в мемуарной литературе неоднократно обращалось внимание на старческие лица «дистрофиков» независимо от их возраста. Многие не могли даже ходить по комнате, а обычно долго сидели или лежали на кровати. А. П. Бондаренко вспоминала о своем брате, который часами неподвижно стоял у стола, и о сестре, которая все время лежала в кровати, не притрагиваясь к находившейся рядом кукле.²¹ Секретарь Дзержинского РК ВКП(б) З. В. Виноградова, обходившая «выморочные» квартиры в поисках детей, писала о том, как была поражена их безразличием: «Лежит человек на кровати, с ним же рядом ему близкий человек мертвый, и у него полное оупение».²²

Как и взрослые, дети быстро привыкали к смерти. Ее приметы были знакомы всем. Ее встречали даже и там, куда шли отмечать праздник. Пришедшие на «елку» в Театр музкомедии в январе 1942 г. видели, как оттуда выносили умершего от голода служащего в ливрее.²³ «Нигде нет играющих детей. Нет вообще бегающих», — записывал в дневнике И. И. Жилинский.²⁴ Дети вели те же разговоры, что и взрослые — о хлебе, о том, что «сегодня будут давать».²⁵ И на «игры» их наложило свой отпечаток «смертное время». Н. А. Булатова, которой тогда исполнилось 7 лет, вспоминала позднее, как, получив порцию хлеба (5х5 см), она с сестрой соревновалась, «кто больше будет есть по крошечке этот кусочек хлеба и одновременно считали, сколько покойников по той или другой стороне улицы».²⁶

Стала заметной какая-то машинальность совершаемых людьми действий — они не сопровождались ни малейшим эмоциональным

²⁰ Евдокимов А. Ф. Дневник. 26 октября 1941 г.: РДФ ГММОБЛ. Оп. 1 р. Д. 30. Л. 10.

²¹ Бондаренко А. П. О блокаде: Архив семьи П. К. Бондаренко.

²² Стенограмма сообщения Виноградовой З. В.: Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (НИА СПбИИ РАН). Ф. 332. Оп. 1. Д. 24. Л. 11.

²³ Байков В. Память блокадного подростка. С. 69–70.

²⁴ Жилинский И. И. Блокадный дневник // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 12 (Запись 10 марта 1942 г.).

²⁵ Там же.

²⁶ Откуда берется мужество. Воспоминания петрозаводчан, переживших блокаду и защищавших Ленинград. Петрозаводск, 2005. С. 73.

всплеском. «Все суровые, никто не улыбается», — вспоминала О. Соловьева о людях, встретившихся ей на пустынной улице.²⁷ Начали замечать, какими неповоротливыми, медлительными становились блокадники в конце 1941 — начале 1942 г.: они словно не видели друг друга, сталкивались, не уступали дорогу.²⁸ Иные из них казались обреченными: «Взгляд отрешенный, будто отлетающий».²⁹ Обращала на себя внимание их молчаливость, отсутствие всяких эмоций — удивления, радости, даже острого горя. Как точно заметил Е. Шварц, жизнь «теряла теплоту».³⁰ Исчезало чувство самосохранения и опасности, утрачивался интерес к другим людям, к внешним событиям, ко всему, кроме еды. И, наконец, исчезал интерес к еде — это было преддверие смерти. «Голод вначале обостряет восприятие жизни. Голова ясная, но очень слабая... Иногда в ушах звон. Удивительная легкость перехода из одного состояния

²⁷ Соловьева О. Воспоминания о пережитой блокаде юной защитницы города Ленинграда. (1941–1945 годы): ОР РНБ. Ф. 1273. Д. 25. Л. 5.

²⁸ «Люди сплошным потоком идут... пешком черные, страшные, с опухшими искаженными лицами. Все стали какие-то старые, неповоротливые, идут сплошным потоком, не сворачивая друг перед другом, толкая друг друга» (Янушевич З. В. Случайные записки. СПб., 2007. С. 62); «Сейчас получается так: если раньше от машины отворачивался народ, то сейчас идущий транспорт должен отворачивать от людей. Люди стали безразличные, глухи... их ругаешь, а они говорят спасибо» (Боровикова А. Н. Дневник. 7 января 1942 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 15. Л. 98).

²⁹ Шулькин В. Воспоминания баловня судьбы // Нева. 1999. № 1. С. 151. З. С. Травкина замечала, что взгляд у блокадников был «неживой» (Воспоминания Травкиной Зои Сергеевны о блокадном Ленинграде: НИА СПб ИИ РАН. Ф. 332. Оп. 1. Д. 149. Л. 4). О «мертвящем, неживом выражении лица и глаз» сообщала и Ю. П. Маругина (Стенограмма сообщения Маругиной Ю. П.: Там же. Д. 85. Л. 23).

³⁰ Шварц Е. Живу беспокойно. Из дневников. Л., 1990. С. 659. См. описание семьи инженера Рохлина в дневнике Н. Михайловского. Рохлин — «совершенно истощенный человек... Куда-то в пространство смотрели безжизненные, стеклянные глаза». Его жена сказала ему о том, что у нее пухнут ноги «безразличным тоном». Их дочь «лежала все такая же печальная, безучастная ко всему» (Михайловский Н. На Балтике. Из дневника военного корреспондента // Девятьсот дней. Литературно-художественный и документальный сборник, посвященный героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Л., 1962. С. 99–100).

в другое. Оживают и материализуются образы прочитанных книг, увиденных людей, событий. Теперь вовсе не хочется есть. Состояние постепенно становится сходным с наркотическим оцепенением. Временами теряешь сознание», — в самонаблюдении И. С. Глазунова именно такими являются этапы угасания человека.³¹

Апатия вела к ослаблению социальных связей, а нередко и к исключению человека из общества. И это не проходило бесследно для его этики. Именно в сообществе других людей человек ежедневно должен усваивать нравственные уроки — быть порядочным, честным, справедливым, отзывчивым, щедрым. Он не всегда может быть таковым, — но он живет в той же среде, где эти требования подразумеваются как обязательные. Ему приходится и маскироваться — но всегда учитывая при этом, как принято себя вести. И человек не только должен заучивать нравственные правила, но и своими поступками подтверждать решимость их соблюдать. Он чувствует взгляд других, его оценивающих и поправляющих, его упрекающих или одобряющих. Он должен ответить на замечания и оправдывать себя — приводя аргументы, почерпнутые из арсенала этики. Нравственные нормы могли оставаться живыми именно в этих пересечениях споров и патетических отповедей. Если нет кажущимися формальными «церемоний», то размывается и само содержание морали. Норма не ощущается тогда, когда нет контроля над собой, объяснения мотивов своих действий и нет критических мнений со стороны. Она утрачивается и тогда, когда нет интереса к книгам и к искусству, отстаивающих нравственные ценности, когда безразличны к событиям, требующим моральной оценки.

Безразличный ко всему, ушедший от мира и от людей, сосредоточенный только на самом себе, человек утрачивал и способность эмоционально реагировать на что-либо. Но как раз посредством таких эмоций — радости, удивления, страха, горя, надежды — выражаются и быстрее воспринимаются моральные правила. Не случайно именно в притуплении эмоций видели тогда нечто спасительное. В городе мрачно, холодно, темно, и не превратиться в «кисель» помогало только это — относиться ко всему безразлично и не страдать. Таково содержание записи в дневнике Л. Эльяшевой, сделан-

³¹ Глазунов И. С. Россия распятая. Т. 1. Кн. 2. М., 2008. С. 98.

ной 19 ноября 1941 г.³² Спасает только «звериное» безразличие к человеческому страданию — это отмечает в дневнике спустя несколько месяцев и М. В. Машкова.³³

Угасание эмоций можно отметить в самых различных блокадных эпизодах, но, пожалуй, наиболее характерным было безразличие к бомбежкам. Первые обстрелы в начале сентября 1941 г. вызвали бурный отклик в Ленинграде. Горожане без всяких отговорок шли в бомбоубежище, пытались узнать, сколько людей пострадало и какие дома разрушены.³⁴ Потом бомбежки стали частью повседневности, к ним быстро привыкли и месяц спустя, в октябре 1941 г., в дневнике инженера В. Кулябко мы встречаем такую запись: «...Сейчас... мало интересуется, где разбомбили, сколько жертв. Ко всему привыкают, даже к ужасу».³⁵ Голод, а не обстрел, скоро стал главной темой разговоров ленинградцев.³⁶ В «смертное время» безразличие к обстрелам было почти что нормой.³⁷ Находили

³² *Эльшьева Л.* Мы уходим... Мы остаемся... // Нева. 2004. № 1. С. 205.

³³ *Машкова М. В.* Из блокадных записей // Публичная библиотека в годы войны. С. 15 (Запись 17 февраля 1942 г.); ср. с дневником Б. Злотниковой: «Последнее время я живу слишком собой и потому все остальное меня мало интересует. С одной стороны, это неплохо, потому что легче жить...» (*Злотникова Б.* Дневник. 16 ноября 1942 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 40. Л. 14).

³⁴ По свидетельству П. М. Токсубаева, 8 сентября 1941 г., во время первого налета на город, милиция даже «сдерживала напор любопытных лиц, желавших посмотреть ... разрушения» (Стенограмма сообщения Токсубаева П. М.: НИА СПб ИИ РАН. Ф. 332. Оп. 1. Д. 124. Л. 4 об).

³⁵ *Кулябко В.* Блокадный дневник // Нева. 2004. № 2 (Запись 6 октября 1941 г.). С. 237; ср. с письмом В. Мальцева М. Д. Мальцеву 15 декабря 1941 г.: «По радио объявили артиллерийскую тревогу. Это все так знакомо, что не производит впечатления. Обыкновенное дело. Даже разбитый дом, мимо которого ты прошел, обычен» (Девятьсот дней. С. 268).

³⁶ Характерен в этом отношении дневник М. С. Коноплевой, где имелись очень подробные записи о первых бомбардировках и обстрелах, а затем более частыми стали записи о хлебе и пайках.

³⁷ *Гинзбург Л.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2000. С. 742; Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества. СПб., 2005. С. 115; Г. П. Гродецкий—В. П. Бианки. 29 сентября 1941 г. // Бианки В. Лихолетье. С. 58; *Коноплева М. С.* В блокированном Ленинграде. Дневник. 2 ноября 1941 г.: ОР РНБ. Ф. 368. Д. 1.

в себе силы и относиться к ним с юмором.³⁸ Милиционеры даже начали штрафовать тех, кто не хотел идти в убежища и буквально выгоняли их с улиц.³⁹ Типичным можно считать рассказ В. Бианки о его знакомой, жившей в Ленинграде — в нем этапы привыкания к обстрелам обозначены кратко, но отчетливо: «...Поднимала всех в квартире даже при отдаленной бомбежке. Потом вдруг ей стало совершенно безразлично — ухает, нет ли. Теперь ее штрафуют за то, что она не прячется во время налетов и детей своих она не будит ночью во время бомбежки».⁴⁰

3

Сцены, когда горожане во время обстрелов спасались не только от бомб, но и от милиционеров, при всей их парадоксальности, едва ли возникли случайно. Здесь сказался, конечно, и обычный «блокадный» прагматизм. Берегли последние силы и предпочитали отсиживаться дома, надеясь, что беда обойдет их стороной.

Л. 157; *Евдокимов А. Ф.* Материалы блокадных записей. 5 октября 1941 г.: РДФ ГММОБЛ. Оп. 1-р. Д. 30. Л. 69; *Эльяшева Л.* Одним бы глазом увидеть победу. С. 252 (Дневниковая запись 8 октября 1941 г.); *Шварц Е.* Живу беспокойно. С. 656; Стенограмма сообщения Скворцова М. И.: НИА СПбИИ РАН. Ф. 332. Оп. 1. Д. 110. Л. 8; Воспоминания о блокаде Александры Ивановны Костиковой // Испытание. Воспоминания настоятеля и прихожан Князь-Владимирского собора в Санкт-Петербурге о Великой Отечественной войне и блокаде Ленинграда. СПб., 2010. С. 32; Выступление по ленинградскому радио В. Кетлинской 29 октября 1941 г. // 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. М.; Л., 1966. С. 234; *Бродский И. А.* В дни блокады // Илья Яковлевич Билибин. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1970. С. 283.

³⁸ См. записи В. Бианки о Ленинграде весной 1942 г.: «Юмор приговоренных к смерти. — Уходя из гостиной, не забудь потушить зажигательную бомбу.

— Меняю фугасную бомбу на две зажигательных в разных кварталах» (*Бианки В.* Лихолетье. С. 171).

³⁹ Интервью с Е. И. Образцовой // Человек в блокаде. Новые свидетельства. СПб., 2008. С. 238; *Грязнов Ф. А.* Дневник // Доживем ли мы до тишины. Записки из блокадного Ленинграда. СПб., 2009. С. 121.

⁴⁰ *Бианки В.* Лихолетье. С. 173.

Будучи истощенными, не рассчитывали до отбоя тревоги пробраться в убежище по обледеневшим лестницам, залитым нечистотами. Не рисковали уйти из очереди во время бомбежки, хотя магазины тогда обязательно должны были закрываться.⁴¹ И имели для этого веские доводы: могли потерять место в ней, поскольку быстро образовывались очереди людей, не желавших признавать прав других.

Этот прагматизм удивлял тех, кто побывал в городе позднее. Так, В. Бианки, находясь во время обстрела в комнате с участковым милиционером, заметил, что он беспокоится скорее не о том, упадет ли на дом бомба, а о том, не потухнет ли лампа.⁴² В. Бианки даже подчеркнул, что это было сделано «без всякой рисовки».⁴³

Для горожан такая школа выживания стала обыденной: поведение некоторых из них во время обстрела на Сытном рынке в декабре 1941 г. еще раз это подтвердило.⁴⁴ Безразличие к обстрелам, которое являлось следствием крайнего истощения и усталости, но где-то было и способом самосохранения, обусловило размывание нескольких этических принципов. Во-первых, утрачивалось чувство ответственности за судьбу незащищенных людей — детей, стариков, инвалидов, нуждающихся в уходе. Сколь бы ни были тщетны попытки уберечь их от обстрелов в убежищах, но они являлись все же более нравственными, чем упования на то, что бомба упадет далеко. Позволяя себе одно (и немаловажное) отступление от правил морали и оправдывая его, можно было затем допустить и другие

⁴¹ Черкизов В. Ф. Дневник блокадного времени // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 8. СПб., 2004. С. 34 (Запись 25 ноября 1941 г.); Ф. А. Витушкин—В. Х. Вайнштейну. Цит. по: *Сивохина С. Л.* О жизни в блокадном Ленинграде. С. 97.

⁴² Бианки В. Лихолетье. С. 173.

⁴³ Там же. Ср. с записями Н. Тихонова: «Снаряды падали в темноте. “Это в соседнем квартале”, — спокойно говорил хозяин гостю и продолжал беседу» (*Тихонов Н.* Ленинград принимает бой. Л., 1943. С. 307).

⁴⁴ «...Снаряды попали в толпу на площади рынка. Женщина, бывшая там, рассказывала, что снаряд задел хлебный ларек и когда по чьей-то команде: “ложись” бросились на землю, на них полетели хлебные буханки. Одни бросились их подбирать, другие отнимать» (*Коноплева М. С.* В блокированном Ленинграде. Дневник. 19 декабря 1941 г.: ОР РНБ. Ф. 368. Д. 2. Л. 10).

исключения из них. Во время осады такая последовательность этапов распада этики выявлялась особенно рельефно.

Во-вторых, ослабевало, а нередко и исчезало ощущение опасности. Не боялись и за других и потому не видели повода их защищать. Не осознавая того, что им угрожало, не обнаруживали и признаков своей деградации или не придавали им должного значения.

Привыкали не только к бомбежкам — привыкали к смерти. Иначе и быть не могло: трупы лежали всюду. Они лежали у больниц и на улицах, в квартирах и на лестницах, в подвалах и во дворах. Председатель Выборгского райисполкома А. Я. Тихонов рассказывал, что «наибольшая цифра подобранных трупов за день... по району была 4,5 тысяч, но это только трупы, собранные на улице».⁴⁵ Смерть была лишена присущей ей в цивилизованном обществе строгости ритуалов — стало обычным и неуважением к умершим. Мертвые тела соседи нередко сваливали в кучу или относили к помойкам. Они могли лежать не один день,⁴⁶ их не сразу убирали.⁴⁷ Их накладывали в грузовики как дрова: развезавшие-

⁴⁵ Стенограмма сообщения Тихонова А. Я.: НИА СПбИИ РАН. Ф. 332. Оп. 1. Д. 123. Л. 17.

⁴⁶ Д. С. Лихачев писал, что труп женщины лежал у Биржевого моста, недалеко от Института литературы, около двух месяцев (*Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 477*), но такое все-таки было редкостью. См. также: *Жилинский И. И. Блокадный дневник // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 12* (Запись 10 марта 1942 г.); Стенограмма сообщения *Тихонова А. Я. Л. 17*; Стенограмма сообщения Аршинцевой Л. М.: НИА СПбИИ РАН. Ф. 332. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

⁴⁷ См. воспоминания И. Ильина: «Я боялся споткнуться о труп умершего от голода человека, который... неделю лежал перед лестницей в нашей парадной» (*Ильин И. От блокады до победы // Нева. 2005. № 5. С. 178*); дневник А. И. Винокурова: «Около Петропавловской больницы видел три голых трупа. Они упали из... грузовика, перевозящего трупы... и валяются на улице целый день (никто ими не интересуется)» (*Блокадный дневник А. И. Винокурова // Блокадные дневники и документы. СПб., 2004. С. 245*); см. также: *Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 472*; *Инбер В. Почти три года // Инбер В. Собр. соч. Т. 3. М., 1965. С. 193* (*Дневниковая запись 12 февраля 1942 г.*); *Блокадный дневник Н. П. Горшкова // Блокадные дневники и документы. С. 57* (Запись 6 января 1942 г.); *Запись рассказа В. В. Лишева (Ардентова К. О ленинградских скульпторах // Художники города — фронту. Воспоминания и дневники ленинградских художников. Л. 1973. С. 104).*

ся на ветру волосы погибших вызывали содрогание у горожан.⁴⁸ Л. Рончевская была потрясена, увидев, что на Невском проспекте, у павильона Росси, где находился морг, окоченевшие трупы ставили к стене.⁴⁹ Неубранные тела лежали в квартирах, в общежитиях, в эвакуационных пунктах — рядом с ними другие люди ели и спали.⁵⁰ Через трупы перешагивали, не имея сил сдвинуть их к обочине дороги.⁵¹ Ни страха, ни брезгливости — В. Никольская вспоминала, как в одном из скверов, где лежали мертвые, собирали снег для питья.⁵²

⁴⁸ *Третьякова Л. Н.* [Запись воспоминаний] // 900 блокадных дней. Новосибирск, 2004. С. 256; *Лихачев Д. С.* Воспоминания. С. 472; *Соловьева Э.* Судьба была — выжить // Нева. 2006. № 9. С. 219; *Гречина О.* Спасаясь спасая // Там же. 1994. № 1. С. 256; *Саванин А. С.* Ленинградская городская контора Госбанка в годы войны // Доживем ли мы до тишины. С. 226.

⁴⁹ *Рончевская Л. С.* Воспоминания о блокаде Ленинграда: ОР РНБ. Ф. 1249. Д. 14. Л. 3.

⁵⁰ См. дневник *И. Д. Зеленской*: «Сегодня рано утром умер отец Чистякова. У него на койке, стоящей в рабочей комнате. Весь день лежит невынесенный. Сын рядом работает, ест, ложится отдохнуть на ту же койку... Много приходящего народа — труп никого не смущает. Мать его умерла дней 10 тому назад. До сих пор лежит в комнате общежития» (*Зеленская И. Д.* Дневник: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 35. Л. 61 об.-62); воспоминания *А. М. Соколова* об эвакуационном пункте в Жихарево: «Умершие валялись везде. На трупах сидели, ели, спали» (*Соколов А. М.* Эвакуация из Ленинграда. СПб., 2000. С. 122).

⁵¹ *Ходорков Л. А.* Материалы блокадных записей: РДФ ГММОБЛ. Оп. 1 р. Д. 140. Л. 7; *Готхарт С.* Ленинград. Блокада // Две судьбы в Великой Отечественной войне. СПб., 2006. С. 43; *Муранова В. А.* Центральный государственный архив работал всю блокаду // Выстояли и победили. Воспоминания участников обороны Ленинграда, воинов и тружеников Октябрьского района. СПб., 1993. С. 168.

⁵² *Никольская В. И.* В очередях: ОР РНБ. Ф. 1037. Д. 907. Л. 13. См. также интервью с *А. В. Андреевым*: «За водой с отцом мы ездили на Обводный канал. ...Все берега канала были заполнены трупами» (Человек в блокаде. С. 263); воспоминания *Т. Максимовой*: «Как-то в колодец упала женщина, вытащить ее пришедшие на воду были не в состоянии, вернуться без воды не могли и набирали ее, отодвигая кружками превратившиеся в ледяные нити волосы погибшей» (*Максимова Т.* Воспоминания о ленинградской

«Навстречу нам мальчик ташил санки с пеленашками... Разговаривавшие, обогнав меня, не обратили никакого внимания на этот груз, не переглянулись даже, давая мальчику дорогу. В этот же день вечером на улице в центре я опять услышал это выражение: «в смертное время» и опять разговаривавшие не обратили никакого внимания на двигавшийся им навстречу груз: молодая изможденная женщина везла на санках одну большую и две маленькие пеленашки... На повороте у садика против Русского музея длинная пеленашка... сползла с санок до половины в снег. Усталая женщина остановилась, досадливо толкнула труп ногой на место и с усилием опять потянула за веревку».⁵³ Это безразличие к смерти, описанное В. Бианки, отмечается и другими очевидцами страшной блокадной зимы.⁵⁴

Д. Н. Лазарев рассказывал, как ему пришлось хоронить своего друга, помогая его родственнице. Гроба для тела не имелось. Взяти его нужно было не на кладбище, а в морг, но и здесь, очевидно, намеревались придерживаться, насколько возможно, цивилизо-

блокаде. СПб., 2002. С. 41); письмо З. Фомберг В. Х. Вайнштейну: «...В рубль часто падали люди и не всегда удавалось их спасти. Тогда багром отталкивали в сторону... а люди тут же набирали воду» (Цит. по: *Сивохина С. Л. О жизни в блокадном Ленинграде. С. 97*).

⁵³ Бианки В. Лихолетье. С. 181.

⁵⁴ «Все мы привыкли к этому зрелищу. Детские саночки... а на них... тряпичные свертки стали повседневностью» (*Молдавский Дм. Страницы о зиме 1941–42 годов // Голоса из блокады. Ленинградские писатели в осажденном городе. (1941–1944). СПб., 1996. С. 356*); «Люди валяются сотнями, до них никому дела нет, и никто не обращает внимания на трупы» (*Гельфер Г. А. Дневник. 19 января 1942 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 24. Л. 4*); «Смерть теперь — обычное дело. Мы к ней привыкли. На улице чуть ли не через каждые 100 метров лежат трупы умерших или замерзших. Публика настолько... к этому привыкла, что все... проходят мимо» (*Блокадный дневник А. И. Винокурова. С. 240–241 (Запись 8 января 1942 г.)*); «Не изменившись в лице, мы проходим в батальонной колонне мимо растерзанного тела молодой женщины возле Охтинского моста» (*Авербах В. А. Рассказы ветерана.: Из семейного архива К. К. Смирновой*); «Теперь перешагивали через них без всяких эмоций, картина стала привычной, сугробы были почти в рост человека, обходить трупы сил не было» (*Байков В. Память блокадного подростка. С. 69*).

ванных обычаев. Все было тщетно. Обжигал мороз (температура -35°), околели руки. Везли санки по очереди, чтобы один из них мог на какое-то время отвернуться от ледяного ветра. Идти было недалеко, но дорога казалась бесконечной. Морг находился в сарае. Открыв его, увидели гору наваленных, как дрова, трупов. «Еле живая от холода» привратница всячески их торопила, «понукала» — хотела быстрее уйти домой, на морозе ей стоять было невмоготу.

Нет ни обрядов, ни ритуалов прощания, ни слез. Каждый шаг в этих «похоронах», сделанный под давлением обстоятельств, означал последовательное отступление от привычных моральных устоев: «...Привратница стояла в стороне, явно не склонная нам помочь. Отвязали тело от доски, безрезультатно попробовали его приподнять — в отощавших мускулах силы не было. Ничего не оставалось, как пытаться втянуть труп на кучу волоком. Легче всего, оказалось, взять труп за ноги. Пятясь, мы начали взбираться наверх по чьим-то твердым и скользким как лед животам, спинам, головам... Привратница подталкивала голову дверью, одновременно проверяя, может ли дверь закрыться».⁵⁵

Вот он, итог их пути: «Я помню, мы почувствовали тупое безразличие к смерти близкого человека, но были безмерно рады, что груз непосильной работы спал с плеч».⁵⁶

Безучастность к смерти могла обернуться и безразличием к людям.⁵⁷ Она вытрапливала все человеческие чувства: сострадание, милосердие, готовность защитить других от невзгод. «Оттащили

⁵⁵ Лазарев Д. Н. Ленинград в блокаде. С. 203.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ См. дневник В. Ф. Черкизова: «К управхозу приходит женщина, активистка дома, и докладывает, что в квартире... умер мужчина... Управхоз: “Жена у него есть, пусть убирает его и увозит” — “Жена также кандидат” — “Ну, тогда подождем, когда она помрет, заодно обоих свезем”» (Черкизов В. Ф. Дневник блокадного времени. С. 56); письмо С. В. Солдатенкова в Историческую комиссию Совета ветеранов ЛГУ: «Зашел в покойницкую, лежит женщина, лицом вниз, уткнувшись в маленькую лужицу. Вернулся в справочную, сказал: “Среди мертвых лежит живая”, служительница ответила: “Вынесли мертвую, на воздухе отлежалась — отошла. Что же мы сделаем, все равно умрет”» («Мы знаем, что значит война...» С. 283).

мы ее.., бросили ее бревно, а свои бревна потащили дальше», — так говорилось о женщине, умершей во время оборонных работ.⁵⁸ М. С. Коноплева писала и о «грустной иронии», которую вызывали покойные, и даже приводила примеры.⁵⁹ Видели не таинство смерти, на уважении к которому основывается достоинство человека, а ее неприглядную изнанку: лишенные благопристойности и оскверненные тела, трупы, через которые надо перешагивать, трупы, обглоданные крысами, без одежды или в тряпках, с вывернутыми карманами пальто. Видели это каждый день, сразу в нескольких местах, слышали и передавали рассказы об этом друг другу. Так коллективное привыкание вело к снижению порога общей для всех этики и тем меньше пресекались противоречившие нравственным нормам поступки. Каждая деталь блокадной смерти показывала, сколько жестокого и даже звериного обнаруживалось у людей, как легко они могли переступать границы дозволенного и как быстро начиналось отчуждение от человека — не только мертвого, но и живого.

4

Блокадная повседневность смещала все основания прежнего, налаженного быта. В прошлом даже на коммунальной кухне, имевшей скандальную репутацию очага конфликтов, жильцы квартиры соблюдали обычаи, продиктованные этическими нормами, и в первую очередь чувством справедливости. Устанавливались, хотя и не без трений, очередность ее использования, правила поведения по отношению к старикам и детям. Там делились продуктами, обращались за помощью друг к другу. В блокаду о коммунальном быте в его привычном виде говорить было сложно. Все изменялось неожиданно

⁵⁸ *Постникова Э. П.* Записки блокады: ОР РНБ. Ф. 1273. Л. 2 об. — 3.

⁵⁹ «...На листе фанеры, положенной на двухколесную тележку, везли сразу три зашитых в тряпки трупа, вероятно подростков, судя по их размерам... Один прохожий, посмотрев на них, заметил: “Сразу трех кукол снарядили”» (*Коноплева М. С.* В блокированном Ленинграде. Дневник: ОР РНБ. Ф. 368. Д. 3). См. также *Альшиц Д. Н. (Д. Аль)* За нами был гордый город. Подвигу Ленинграда — достойную и правдивую оценку. СПб., 2010. (Запись 11 апреля 1942 г.).

и парадоксально. Распадались те человеческие взаимоотношения, где нравственные нормы должны были поддерживаться ежедневно. Надо было устанавливать какие-то новые правила применительно к новым условиям, но осадная жизнь менялась так быстро и так страшно, что о прочном их заучивании не могло быть и речи.

Признаки распада этики были разнообразными и индивидуальными для каждого человека, но везде они обуславливались блокадным бытом. Приступы раздражения, ссоры и драки обычно случались именно там, где делили хлеб, получали тарелку супа или стакан кипятка. Чаще всего это происходило в столовых.⁶⁰ Огромные очереди в столовых и кафе стали наблюдаться еще в сентябре 1941 г.⁶¹ В них до конца октября нередко продолжали выдавать супы и каши без талонов, и постоянное снижение норм отпуска продуктов по «карточкам» сделало их главной надеждой горожан, начавших тогда испытывать чувство голода. «В столовых царил хаос: все кричали, ругались», — записывает в дневнике 12 сентября 1941 г. М. С. Коноплева, а 19 октября она же отмечает, что у столовой, где зеленые щи можно получить без отрыва талонов, «стоит возбужденная шумная толпа, способная побить каждого, кто попытается подойти к кассе вне очереди».⁶²

⁶⁰ Зеленская И. Д. Дневник. 1 ноября 1941 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 35. Л. 26–26 об.; Меттер И. Избранное. СПб., 1999. С. 117–118; Новиков В. Н. Дневник. Май 1942 г. (Петров Анат. Тетрадь в клеенчатой обложке // Нева. 1999. № 1. С. 217.)

⁶¹ В дневниковой записи Н. А. Рибковского 9 сентября 1941 г. говорится о километровых очередях у столовых и закусочных (Рибковский Н. А. Дневник // Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. С. 258 (Запись 9 сентября 1941 г.)). Возможно, это было связано с паникой, возникшей после бомбардировки Бадаевских складов. См. также: Академический архив в годы войны. Ленинград 1941–1942. Из дневников Г. А. Князева. СПб., 2005. С. 25–26 (Запись 23 сентября 1941 г.); запись в дневнике А. А. Грязнова 24 сентября 1941 г.: «Чтоб пообедать где-нибудь в открытого типа столовой, надо простоять в очереди 3–5 часов» (Грязнов А. А. Дневник // Человек в блокаде. С. 20).

⁶² Коноплева М. С. В блокированном Ленинграде. Дневник. 19 октября 1941 г.: ОР РНБ. Ф. 368. Д. 3. Л. 15; см. также дневник П. М. Самарина: «...Звонила со столовой. Народу много — скандал и драки» (Самарин П. М. Дневник. 12 января 1942 г.: РДФ ГММОБЛ. Оп. 1 л. Д. 338. Л. 841); воспоминания

Этот хаос подчинял себе и воспитанных, интеллигентных людей. Чуть замешкаешься, проявив щепетильность — и сомнут, отеснят, выгонят из очереди. «Обед, избавлявший от голодной смерти, казалось естественным добывать в любых условиях», — скажет позднее Л. Гинзбург,⁶³ заметим, что ссоры возникали даже в столовых Союза писателей и Публичной библиотеки.⁶⁴

Скандалы начинались по разным поводам: из-за неправильного отрыва кассирами талонов, из-за опозданий, когда выяснялось, что положенная человеку порция пищи съедалась кем-то другим, из-за несправедливости привилегий при обслуживании или из-за его медленности, из-за того, что не рассчитали норму приготовления каши и ее хватило не всем,⁶⁵ и наконец, чаще всего потому, что кто-то хотел получить обед или ужин вне очереди. Одна и та же картина в различных записях о блокадных столовых. Нетерпение голодных людей, которые не имели сил больше ждать и, не стесняясь других, громко и настойчиво просили обслужить их в первую очередь. Озлобление официанток, видимо, более сытых и явно презиравших посетителей, готовых и умолять и оскорблять.⁶⁶ Впечатляющее описание этой картины мы находим в воспоминаниях Г. Кулагина. И, подчеркнем, речь здесь идет о «директорской» столовой, где питание было лучше, где должна была четче соблюдаться субординация, где «сто-

Е. И. Дмитриевой: «В столовой стоял бак с кипятком, за ним тоже очереди были и даже драки были» (Цит. по: *Чурсин В. Д.* «Сообщает 21-й о своей готовности» // Публичная библиотека в годы войны. С. 124); воспоминания Б. Михайлова: «В обеденный перерыв перед пуском в столовую... собирались все, и тут происходили бурные скандалы, доходившие до драк» (*Михайлов Б.* На дне войны и блокады. СПб., 2001. С. 40).

⁶³ *Гинзбург Л.* Записные книжки. С. 740.

⁶⁴ *Меттер И.* Избранное. С. 117; *Чурсин В. Д.* Указ. соч. С. 124.

⁶⁵ Из дневников Г. А. Князева. С. 25–26 (Запись 23 сентября 1941 г.); *Коплева М. С.* В блокированном Ленинграде. Дневник. 27 октября 1942 г.: ОР РНБ. Ф. 368. Д. 3. Л. 16–16 об.; *Зеленская И. Д.* Дневник. 1 ноября 1941 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 35. Л. 26 об.; Воспоминания Н. В. Ширковой: Архив семьи Е. В. Шуньгиной.

⁶⁶ О «безразлично формальном отношении к столующимся, проявившемся в бескультурии», говорилось и в докладной записке бригады по обследованию работы ленинградских столовых и кафе Горкому ВКП(б), составленной в марте 1942 г. // 900 героических дней. С. 267.

люющимися» являлись люди с более высоким уровнем образования и культуры: «Это было в декабре. но люди еще не были истощены и вели себя достойно. Они еще подпитывались домашними запасами... У кого были связи со снабженцами, те выписывали с центрального склада крахмал и технический желатин. Потом и это кончилось. Столовая стала, как все. Поредели ряды посетителей. Смолкли и посторонние разговоры. Начальники стали нетерпеливо подстергать время обеда, и без одной минуты час все стулья уже были заняты. Столующиеся сосредоточенно и молча поглядывали на кастрюлю с супом. Каждый развертывал бумагу с кусочком хлеба, оставшимся от завтрака. Некоторые извлекали из карманов пробирки с перцем, запасались солью. Через минуту-другую терпение истощалось:

- Анастасия Ивановна, мне тарелочку!
- Анастасия Ивановна, мне!
- Тасенькая, мне двести граммов хлеба!
- Анастасия Ивановна, я давно сижую!

Все вдруг страшно оживлялись, вскакивали с мест, протягивали руки за супом, рискуя расплескать его на соседей.

Наконец первое роздано. Устанавливается полное молчание: слышно только хлюпанье и чавканье. Кто ест быстро и жадно, моментально опустошая тарелку, кто медленно смакует каждую ложку жиденького супа. Снова гвалт и крики — заказывают второе.

— Тася, Тасенька, мне две рассыпчатых, — басит могучий Вишняков.

— Анастасия Ивановна, а мне когда же? — врывается в общий гвалт чей-то тоненький умоляющий голос.

Тася растерянно и зло моргает глазами... Кто-то упрекает ее в нерасторопности, кто-то начинает рассуждать о грубости официанток, кто-то с сомнением смотрит на тарелку с кашей и, ища поддержки у соседа, спрашивает:

- Неужели здесь две порции?..

Потом опять все успокаиваются. Окончив обед, выстраиваются в очередь у расчетного стола... Официантки открыто сомневаются в честности расчета и, не стесняясь, оскорбительно громко переспрашивают, кто сколько съел»⁶⁷

⁶⁷ Кулагин Г. Дневник и память. О пережитом в годы блокады. Л., 1978. С. 153; ср. с записью в дневнике И. Д. Зеленской 20 сентября 1942 г.:

Раздражение обнаруживалось не только в столовых.⁶⁸ «Все были раздражены до невероятности», — вспоминал Д. С. Лихачев.⁶⁹ Стычки и споры между людьми обычны для любого времени, не только для войны, но характерными тут являлись их накал и их причины. Раздражение вызывали и неприспособленные к блокадным тяготам, житейски беспомощные горожане и те, кто удивлял своим здоровым видом. Продавщицы неприязненно относились к тем, кто готов был часами стоять у пустых прилавков.⁷⁰ Ехавшие в трамвае — к попутчи-

«... Из-за всякого пустяка вспыхивают колкости и стычки между соседями и с официантками... Каждый стол старается зазвать ее и опередить соседний...» (Зеленская И. Д. Дневник. 20 сентября 1942 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11 Д. 35. Л. 10 об.).

⁶⁸ Змитриченко З. А. [Запись воспоминаний] // 900 блокадных дней. С. 93; Капранов Б. Дневник. Цит. по: Будни подвига. Блокадная жизнь ленинградцев в дневниках, рисунках, документах. СПб., 2006. С. 38 (Запись 19 ноября 1941 г.); Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки. С. 274 (Дневниковая запись 29 января 1942 г.); Коноплева М. С. В блокованном Ленинграде. Дневник. 4 октября 1941 г.: ОР РНБ. Ф. 368. Д. 1. Л. 123; Н. П. Заветновская—Т. В. Заветновской. 5 февраля 1942 г.: Там же. Ф. 1273. Л. 32.

⁶⁹ Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 473. Свидетельства об этом, возможно, являются чрезмерно эмоциональными и пристрастными, но игнорировать их нельзя. См. дневник А. Лепковича: «Люди настолько огрубели, что в городе не узнаешь ни одного человека, пережившего это время тем, каким он был» (Лепкович А. Дневник. 20 мая 1942 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 59. Л. 18 об.); письмо А. И. Зеленовой друзьям 22 февраля 1942 г.: «Мечтаем о любой еде. Перегрызлись друг с другом, презираем друг друга, ибо условия, в которых мы находились, обнажили все качества» (Анна Ивановна Зеленова. Статьи. Воспоминания. Письма. СПб., 2006. С. 115); запись в дневнике М. Тихомирова 21 января 1942 г.: «На Лиговке, у люка, где есть вода... Толпа людей с ведрами и другими посудинами ругается, кричит; воду черпают, стоя на коленях, проливают, толкаются...» (Дневник Миши Тихомирова. СПб., 2010. С. 29). См. также: Рабинович М. Б. Воспоминания о долгой жизни. СПб., 1996. С. 189.

⁷⁰ См. дневник В. Базановой: «Прохожу мимо рынка. стоят очереди. Если спросишь, за чем стоят, получишь раздраженный ответ продавщицы: «Они сами не знают, за чем стоят. Говоришь, что ничего нет.»» (Базанова В. Вчера было девять тревог... // Нева. 1999. № 1. С. 129 (Дневниковая запись 22 ноября 1941 г.)); Дневник Ф. А. Грязнова: «...Некоторые упорно стоят у дверей магазина, несмотря на предупреждение завмага, что...

кам, которые пытались втиснуться в переполненный вагон.⁷¹ Люди в очередях — к отстаивавшим свое право быть впереди обладателям различных «номерков». Раздражал медленно бредущий прохожий, мешающий идти другим.⁷² Раздражали крик голодного ребенка, даже уборщица, согрешившая чай за полчаса до обеденного перерыва и лишившая всех надежд выпить его горячим.⁷³

«Злоба была от голода», — отмечала А. О. Змитриченко,⁷⁴ и она, несомненно, права в определении ее первопричины. Но в блокадной повседневности, как и в любой другой, многое являлось опосредованным, обуславливалось традициями воспитания, образования и культуры, зависело от стечения обстоятельств и от реалий, которые не могли изменить. Достоверно определить мотивы раздражения блокадников в том или ином случае трудно еще и потому, что иногда они и сами не могли внятно их объяснить, а проявления их эмоций несоизмеримы тем конкретным поводам, которые их вызвали.

5

Каждый катаклизм являлся толчком к распаду человеческой личности, а его влияние могло быть и прямым и опосредованным. Главной причиной деградации человека — физической и духовной —

ничего в продажу не поступило» (*Грязнов Ф. А. Дневник. С. 124 (Запись 27 ноября 1941 г.)*).

⁷¹ О криках, «истерических воплях», ругани в трамваях говорилось даже в имевших официальный характер очерках Н. Тихонова; он, правда, подчеркивает, что они являлись редкими (*Тихонов. Ленинград в ноябре // Тихонов Н. Ленинград принимает бой. С. 304*); см. также: *Уманская А. С. Дневник. 12 декабря 1941 г.: ОР РНБ. Ф. 1273. Д. 72. Л. 44; Фадеев А. Ленинград в дни блокады. (Из дневника) // Фадеев А. Собр. соч. Т. 4. М., 1970. С. 118.*

⁷² *Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 476.* По устному свидетельству блокадницы Е. М. (1910 г.р.) более всего она боялась, что кто-то упадет перед ней на дороге: не было сил ни перешагнуть через него, ни обойти его.

⁷³ *Ходорков Л. А. Материалы блокадных записей. 4 марта 1942 г.: РДФ ГММОБЛ. Оп. 1-р. Д. 140. Л. 20; Зеленская И. Д. Дневник. 22 ноября 1941 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 35. Л. 34 об.*

⁷⁴ *Змитриченко А. О. [Запись воспоминаний] // 900 блокадных дней. С. 93.*

был голод. Последовательность разрушения основных человеческих ценностей покажет нам не только тотальность распада, но и его системность, определенную взаимозависимостью норм цивилизации.

Наиболее зримая примета голода — внешний вид людей. «На прохожих с нормальным розовым лицом оглядываются», — записал в дневнике 17 января 1942 г. Л. А. Ходорков.⁷⁵ Часто отмечали опухшие лица блокадников. Обычно опухание связывали с чрезмерным потреблением воды с солью — это несколько смягчало муки голода.⁷⁶ Возможно, здесь сказалась и выдача «безкарточных» супов в ведомственных и фабрично-заводских столовых.⁷⁷ Разрешалось брать иногда несколько порций такой белесоватой жидкости, «пустой», без макарон, крупы и мяса; часть супов относили домой. Последствия не замедлили проявиться: сначала начинали опухать ноги, затем «водянка» распространялась по всему телу — заплывали даже глаза. Было трудно ходить, ощущалась сильная боль в ногах, привычная обувь становилась мала.

Очевидцы едины в своих наблюдениях — по ним без труда можно составить портрет блокадника, далекого от «хлебных мест». Бледные, исхудавшие, одутловатые, опухшие («опавшие и оплывшие», по выражению И. Д. Зеленской⁷⁸), с желтоватым или землистым цветом лица.⁷⁹ Морщины, синяки, белесоватые, налитые

⁷⁵ Ходорков Л. А. Материалы блокадных записей. 17 января 1942 г.: РДФ ГММОБЛ. Оп. 1-р. Д. 140. Л. 15.

⁷⁶ Стругацкий Н. З. Дневник. Цит. по: Скаладис А. Братья Стругацкие. М., 2008. С. 34 (Запись 22 декабря 1941 г.); Козлова Г. И. Мои студенческие годы. С. 199; Черкизов В. Ф. Дневник блокадного времени. С. 39 (Запись 11 января 1942 г.).

⁷⁷ См. воспоминания Д. Н. Лазарева об обедах в Доме ученых в октябре — ноябре 1941 г.: «Мой сосед слева рассказывает, что он пропустил за день 8 тарелок супа...» (Лазарев Д. Н. Ленинград в блокаде. С. 196).

⁷⁸ Зеленская И. Д. Дневник. 18 ноября 1941 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 35. Л. 33 об.

⁷⁹ Петерсон В. Дневник. 6 января 1942 г.: Там же. Д. 86. Л. 7 об.—8; М. В. Машкова—С. М. Машбиц. 5 ноября 1941 г. // Публичная библиотека в годы войны. С. 115; Янушевич З. В. Случайные записки. С. 62; Кулагин Г. Дневник и память. С. 203; Боровикова А. Н. Дневник. 15 января 1942 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 15. Л. 101; Левина Э. Письма к другу // Ленинградцы в дни блокады. Сборник. Л., 1947. С. 204; Зелен-

водой мешки под глазами.⁸⁰ Походка — «особая» и «странная».⁸¹ Идут так, «будто ноги мешают, точно к ним привешены пудовые гири».⁸² Не ходят — переставляют ноги «по вершку», с особым усилием. «Никакого кокетства — ноги врозь и палка вперед», — писал о «сильно утилитарной» походке одной из женщин М. И. Чайко.⁸³ Движения медленные, идут тихо и осторожно, нередко даже дети ходят, опираясь на палки и костыли.⁸⁴

Речь у многих замедленная — ее интонации очень рельефно удалось передать И. Быльеву в рассказе о художнике Я. Николаеве. Тот пролил суп и предложил обмен: «...Продолжает с теми же чрезвычайными усилиями... Я дам тебе свой крупяной талон, а ты... как его... это... а ты на него получишь и мы с тобой... как его... это...».⁸⁵

ская И. Д. Дневник. 18 ноября 1942 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 35. Л. 33 об.; Из дневника Галько Леонида Павловича // Оборона Ленинграда. 1941–1944. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968. С. 517 (Запись 18 января 1942 г.); *Постникова Э. П.* Записки блокады: ОР РНБ. Ф. 1273. Л. 2 об.–3; *Краков М. М.* Дневник. 13 февраля 1942 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 53. Л. 12; *Баженов Н. В.* О том, как они умирал (Из записной книжки): ОПИ НГМ. Оп. 2. Д. 440. Л. 10.

⁸⁰ *Петерсон В.* Дневник. 6 января 1942 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 86. Л. 7 об.–8; *Капица П.* В море погасли огни. Блокадные дневники. М., 1974. С. 261 (Дневниковая запись 17 января 1942 г.); *Грязнов Ф. А.* Дневник. С. 138.

⁸¹ Стенограмма сообщения Трофимова П. П.: НИА СПбИИ РАН. Ф. 332. Оп. 1. Д. 126. Л. 20; *Грязнов Ф. А.* Дневник. С. 138 (Запись 6 декабря 1941 г.).

⁸² *Грязнов Ф. А.* Дневник. С. 138.

⁸³ Дневник М. И. Чайко // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 5. С. 123.

⁸⁴ «Ноги опухли и не держат, падают от малейшего толчка» (*Краков М. М.* Дневник. 26 февраля 1942 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 53. Л. 14). См. также: *Блатин А.* Вечный огонь Ленинграда. Записки журналиста. М., 1976. С. 240; *Силина Е. М.* Дневник. 27 февраля 1942 г. // *Зимин И. В.* Из дневника блокадницы. Битва за Ленинград: Проблемы современных исследований. Сборник статей. СПб., 2007. С. 253; *Жилинский И. И.* Блокадный дневник // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 7 (Запись 21 декабря 1941 г.).

⁸⁵ *Быльев И.* Из дневника // Художники города-фронта. Воспоминания и дневники ленинградских художников. Л., 1973. С. 333.

Страшными были приметы цинги — особенно отчетливо они проявились весной 1942 г. На ногах кожа становилась фиолетовой и покрывалась багровыми пупырышками. Они остекленевали и ходить было очень больно; у некоторых хромота оставалась и много месяцев спустя. Возникали боли в желудке, тело покрывалось фурункулами, лица — «запекшимися болячками».⁸⁶ Разбухал язык, кислая пища казалась горькой, сладкая — кислой.⁸⁷ Один из характерных признаков цинги — выпадение зубов из воспаленных десен. Медицински точное и суховатое описание этого недуга у М. А. Бочавер сопровождается даже метафорой: «Мы у себя вынимали их просто, без труда, рукой, как сигареты из пачки».⁸⁸

К «блокадным» лицам быстро привыкли — приехавшим изда- лека они казались еще более страшными. Б. Бабочкин, побывавший в Ленинграде весной 1942 г., рассказывал позднее: «Пришла актри- са, была красавица... Теперь вывалились зубы, развалина... Пита- лась тем, что у склада, рано утром, собирала раздавленных крыс — грузовиками ночью».⁸⁹ Но были и такие люди, при виде которых приходили в ужас даже многое повидавшие блокадники: «Это что-то не знаю что. Если бы я не встретила его на улице... не узна- ла бы».⁹⁰ «Я испугалась, так он страшен, лицо опухло»;⁹¹ «Я была поражена его видом, он заметно опух»;⁹² «Как... изменился, этого

⁸⁶ Лазарев Д. Н. Ленинград в блокаде. С. 208; Интервью с Е. И. Образ- цовой. С. 247; Зеленская И. Д. Дневник. 18 декабря 1941 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 35. Л. 44 об.

⁸⁷ Бочавер М. А. Это — было: ОР РНБ. Ф. 1273. Д. 7. Л. 51–52.

⁸⁸ Там же. См. также: Лазарев Д. Н. Ленинград в блокаде. С. 208; Сол- датенков С. В. В историческую комиссию Совета ветеранов ЛГУ // «Мы знаем, что значит война...» С. 283.

⁸⁹ Иванов Вс. Дневники. М., 2001. С. 203–204; см. запись рассказа крас- ноармейца, приехавшего в отпуск в город: «...Говорит, что он... никогда не думал, что живые люди могут дойти до такого состояния» (Дневник Миши Тихомирова. С. 44 (Запись 21 февраля 1942 г.)).

⁹⁰ Боровикова А. Н. Дневник. 15 января 1942 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 15. Л. 101.

⁹¹ Н. П. Заветновская — Т. В. Заветновской. 22 декабря 1941 г.: ОР РНБ. Ф. 1273 Л. 23 об.

⁹² М. В. Машкова—С. М. Машбиц. 5 ноября 1941 г. // Публичная биб- лиотека в годы войны. С. 115.

нельзя рассказать, невозможно представить».⁹³ Общаться с такими людьми, очевидно, было сложно. Они и сами стыдились своего вида (особенно женщины),⁹⁴ старались отворачиваться. Да и что оставалось делать, когда было заметно, как их собеседники с трудом подавляют испуг, стесняются пристально вглядываться в лица. Как «дистрофикам», изуродованным голодом, с замедленными речью и жестами, вести обычный разговор, шутить, смеяться, пытаться понравиться кому-то, когда оцепенение, жалость и сострадание охватывает всех, кто их видит? И ничего не поправить — каждый голодный день делает их облик еще более неузнаваемым и страшным. Может быть, отчасти и поэтому люди переставали следить за опрятностью и чистотой своей одежды, умываться, заботиться о личной гигиене. Другими причинами (и, пожалуй, более важными) были немощность истощенных блокадников, отсутствие в квартирах света, тепла и воды, закрытие бань и пунктов бытового обслуживания.⁹⁵ Обилие грязных, закопченных лиц не раз отмечалось в свидетельствах о зиме 1941–1942 гг.⁹⁶ Т. Нежинцева писала,

⁹³ *Ерохина (Клишевич) Н. Н.* Дневник. 15 июня 1942 г.: РДФ ГММОБЛ. Оп. 1. Д. 490. Л. 35.

⁹⁴ См. запись в дневнике П. Капицы 17 января 1942 г.: «...Потупляют взгляд или стыдливо отворачивают худые носатые лица, чтобы мы не могли видеть преждевременных морщин, синяков и “цыпок” под глазами. А если какая взглянет невзначай, то смущенно» (*Капица П.* В море погасли огни. С. 261).

⁹⁵ Как отмечалось в отчете Ленинградской городской плановой комиссии, за период с 1 июля 1941 г. по 1 января 1942 г. число пунктов по ремонту обуви уменьшилось с 398 до 86, прекратили работу бани, и большинство пунктов бытового обслуживания, а также почти все прачечные (Из отчета Ленгорплана «Ленинград в период войны и блокады» // 900 героических дней. С. 297).

⁹⁶ *Никулин А. П.* В осажденном городе. Краткие записи. 13 января, 14–15 января 1942 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 83. Л. 36; *Зеленская И. Д.* Дневник. 26 января 1942 г.: Там же. Д. 35. Л. 58 об.; *Боровикова А. Н.* Дневник. 15 января 1942 г.: Там же. Д. 15. Л. 101; *Загорская А. П.* Дневник. 30 декабря 1941 г.: НИА СПб ИИ РАН. Ф. 332. Оп. 1. Д. 47. Л. 16; *Силина Е. М.* Дневник // *Зимин И. В.* Из дневника блокадницы. С. 253 (Запись 27 февраля 1942 г.); *Заболотская Л. К.* Дневник // Человек в блокаде. С. 132; С. А. Павлова—С. Н. Кондратьеву // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 5. С. 180.

как ей было стыдно идти в роддом немойтой: «...оказалось, что все были такие».⁹⁷

Нет дров, нет сил, чтобы их доставить, нет тепла. Нет воды⁹⁸ — истощенным горожанам, которым трудно дойти до колонок и проруби, приходится всячески ее сберегать, использовать только для питья и приготовления пищи. Очень мало бань, их нечем топить — побывать в них можно лишь по нарядам и талонам, которые не всем были доступны. Как отмечала И. Д. Зеленская, бывали случаи, когда «даже баня становится непомерной роскошью, т. к. в ней ледяной холод, чуть теплая вода и страшные очереди».⁹⁹ В промерзших квартирах и общежитиях люди не моются, иногда — неделями и месяцами.¹⁰⁰ Спят одетыми, стараются не вставать с постели, прячась от холода за ворохом одеял. Не работает канализация, квартиры, лестницы и дворы залиты нечистотами. Крысы и вши стали приметой «смертного времени».¹⁰¹ Педикулез грозил каждо-

⁹⁷ *Нежинцева Т.* Расскажу о своем муже. // Голоса из блокады. С. 348.

⁹⁸ Зимой 1941–1942 г. было заморожено 6369 водопроводных вводов (43% от общего числа) (*Ковальчук В. М.* 900 дней блокады. Ленинград. 1941–1944. СПб., 2005. С. 76).

⁹⁹ *Зеленская И. Д.* Дневник. 10 декабря 1941 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 35. Л. 41 об.

¹⁰⁰ Из дневника Галько Леонида Павловича. С. 515 (Запись 4 января 1942 г.). См. также воспоминания Е. Капустиной о студенческом общежитии в Физическом институте ЛГУ: «Лежали люди, закрытые одеялом и тряпьем. Я предложила умыться. От умывания они... отказались, сказали, что потом будет еще холодней» (*Капустина Е.* Из блокадных дней студентки. С. 220).

¹⁰¹ Секретарь Октябрьского РК ВЛКСМ Б. П. Федоров вспоминал, как в одной из квартир обнаружили истощенного мужчину: «Когда стали осматривать, то оказалось, что у него пятки были объедены крысами. У него не было сил спасти себя от крыс, хотя он был жив» (*Федоров Б. П.* [Стенографическая запись воспоминаний] // Оборона Ленинграда. С. 467). О крысах блокадники всегда вспоминали с особым содроганием: «...Толстая крыса скачками бросилась в мою сторону, соскочив с лица умершей две недели назад тети» (*Глазунов И. С.* Россия распята. Т. 1. Кн. 2. С. 102); «...Жрали они машинное масло, жрали мертвых, которые лежали на заводе в ожидании своей очереди» (*Гречина О.* Спасаясь спасая. С. 262). Инструктор по кадрам Петроградской конторы связи Л. М. Аршинцева сообщала о том, что почталыоны «на лестницах спотыкались на... покойников, ко-

му: вшей находили не только у сирот, переданных в детский дом (что случалось чаще всего), но и у рабочих, даже весной-осенью 1942 г.¹⁰² Нет света, не работают общественный транспорт, почта и радио¹⁰³ — нет возможности читать, писать, заниматься домашним бытом, встречаться с друзьями, узнавать новости.

Когда в сентябре 1941 г. запретили пользоваться электроприборами и ограничили (2,5 литрами в месяц) выдачу керосина, один из блокадников сетовал на то, что придется ходить в неглаженном белье.¹⁰⁴ Спустя несколько недель на эти мелочи перестали обращать внимание. Чувство озноба от холода, не проходившее, даже если накрывались несколькими одеялами или пальто (некоторые из переживших зиму 1941–1942 гг. подчеркивали, что оно являлось куда большим испытанием, чем голод), заставляло горожан ходить в валенках и шубах не только весной, но и позднее, вплоть до июля 1942 г.¹⁰⁵ Истощенным было труднее согреться — не стыдились

торых грызли крысы» (Стенограмма сообщения Аршинцевой Л. М.: НИА СПбИИ РАН. Ф. 332. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–2 об.). «У многих трупов съедаются конечности... Это примитивный морг вместе с крысами превратится в активный источник заразы», — отмечалось в письме начальника земснаряда «Волхов» М. Ф. Зыбина заместителю председателя Леноблисполкома Н. Н. Шеховцову 6 февраля 1942 г. (Водоканал Ленинграда. 1941–1945. Водоснабжение и канализация Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1995. С. 234).

¹⁰² На заводе им. Егорова педикулез был обнаружен у 25–30% рабочих (Капитонова В. М. Дневник. 22 сентября 1942 г.: НИА СПбИИ РАН. Ф. 332. Оп. 1. Д. 55. Л. 6).

¹⁰³ Коган Л. Р. Дневник. 1 февраля 1942 г.: ОР РНБ. Ф. 1035. Д. 1. Л. 1; В те дни. Ленинградский альбом. Текст Николая Тихонова. М.; Л., 1946. С. 26.

¹⁰⁴ Кулябко В. Блокадный дневник // Нева. 2004. № 1. (Запись 17 сентября 1941 г.).

¹⁰⁵ «Не могу расстаться с валенками и зимним пальто», — записывал в дневнике 15 мая 1942 г. Н. В. Баженов (Баженов Н. В. О том, как они умирали... (Из записной книжки): ОПИ НГМ. Оп. 2. Д. 440. Л. 14). Г. Гопле рассказывал в 1945 г. ее знакомый о том, что «до сих пор холод из себя не выгнать». На вопрос, что страшнее — голод или холод — он отвечал: «Холод... к нему привыкнуть нельзя» (Гонте Г. Маршруты одного путешествия // Дети города-героя. Л., 1974. С. 77). См. также: Д. И. Митрохин—П. Д. Этингеру. 20 мая 1942 г. // Книга о Митрохине.

облачаться в «сборную одежду», по выражению Г. А. Князева, обычно более потрепанную и грязную.¹⁰⁶ И носили ее все: и рабочие, и интеллигенты. А. Фадеев, встретившись с ленинградскими писателями, сразу scomандовал в присутствии ему патетическом тоне: «Ордера! Ордера всем! Нужно одеться».¹⁰⁷

6

«Ест кашу медленно, ложка дрожит в костлявой ручке», — это отданный в детский дом изголодавшийся ребенок, у которого мать отбирала еду, «маленький тощий скелетик с большим черепом над личиком в кулачок».¹⁰⁸ Медленность в поглощении еды — не только от истощения, но и от жгучей потребности продолжить миг насыщения до бесконечности, в надежде, что это ежеминутное, разрушающее все и вся чувство голода отступит. В жестах и мимике человека, поедающего хлеб, есть и ощущение страха от того, что он может лишиться своего крохотного кусочка. Есть и сосредоточен-

Статьи. Письма. Воспоминания. М., 1986. С. 195; Алиментарная дистрофия в блокированном Ленинграде. С. 130.

¹⁰⁶ См. рассказ А. С. Саванина об одной из работниц Госбанка: «...Ходила исключительно грязная, закопченная и в таком одеянии, что до войны, кажется, ни у кого такого и не было! Откуда-то были вытащены лохмотья, закопченные, замусоленные и все одето на себя» (*Саванин А. С.* Ленинградская городская контора Госбанка в годы войны // *Доживем ли мы до тишины.* С. 226); Стенограмму сообщения М. И. Скворцова: «Люди приходили к нам в партком, опираясь на палочки. Они были страшно истощены, грязны, замотаны в тряпки»: НИА СПб ИИ РАН. Ф. 332. Оп. 1. Д. 110. Л. 10. Из дневников Г. А. Князева С. 53 (Запись 7 февраля 1942 г.); см. также *Соловьева О.* Воспоминания о пережитой блокаде юной защитницы города Ленинграда (1941–1945 годы): ОР РНБ. Ф. 1273. Д. 25. Л. 5; *Гаврилина Н. Е.* Воспоминания о блокаде: НИА СПб ИИ РАН. Ф. 332. Оп. 1. Д. 150. л. 6; *Осипова Н. П.* Дневник. 5 декабря 1941 г.: Там же. Д. 93. Л. 16; Стенограмма сообщения Усова С. В.: Там же. Д. 131. Л. 39 об.

¹⁰⁷ *Вечтомова Е.* Вопреки всему. Из ленинградских блокадных записей // *Литературное наследство.* Т. 78. Кн. 2. М., 1966. С. 246; см. также: Воспоминания об Ольге Берггольц. Л., 1977. С. 256; *Лихачев Д. С.* Воспоминания. С. 473.

¹⁰⁸ *Зеленская И. Д.* Дневник. 15 марта 1942 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 35. Л. 69.

ность только на этом кусочке, отрешенность от «мира» и от других людей. И есть «прислушивание» к себе, стремление удостовериться, что голод проходит. И есть болезненное ощущение от сдерживания себя — каким искушением являлось это желание съесть хлеб сразу и целиком! В артистическом действе Б. Бабочкина, рассказавшего своим друзьям о поездке в осажденный город, некоторые из этих деталей выявлены очень рельефно: «Мимическая сцена — как едят хлеб в Ленинграде: закрывает ломтик, оглядывается, отламывает кусочек с ноготок, — и его еще раз пополам, кладет в рот, откидывается на стуле и с неподвижным лицом ждет, когда крошка растает во рту... И опять к куску». ¹⁰⁹

М. В. Машкова с отвращением писала об одном знакомом архитекторе, который делил хлеб на 50 кусочков, складывал их в две коробки, по коробочкам рассыпал мизерными порциями сахар, «мельчил» и другие продукты. «Хлеб не просто съедается, а предварительно по кусочкам раскладывается в шахматном и ином порядке», — узнав об этом, муж Машковой даже перестал делить хлеб на маленькие части. ¹¹⁰ Его можно было понять, но такие действия едва ли стоит оценивать только как патологические.

Каждый спасался как мог. Кто-то, разделив паек, обычно съедал его утром, днем и вечером, но для кого-то четырехчасовое ожидание обеда или ужина оказывалось непереносимым. Поделить на 50 кусочков — и терпеть придется только 15–20 минут. Пусть эти дозы микроскопические и не утолят они голода, но остается, хотя нередко и иллюзорная, надежда на то, что страдания удастся уменьшить. Раскладывание по коробкам — это средство сдерживания себя, и пожалуй даже, самоуспокоения: глядя на быстрое исчезновение кусочков в первой коробочке, можно утешать себя тем, что другая коробочка еще полна. И строгий «архитектурный» порядок расположения хлебных кусочков тоже можно объяснить как нечто, помогающее преодолевать искушение съесть все сразу. Другое дело, что эти ставшие автоматическими рациональные операции могут впоследствии усложняться, утрачивая первоначальные цели. В таких действиях человек приобретает психологическую устойчивость, но отдаляется

¹⁰⁹ Иванов В. С. Дневники. М., 2001. С. 204.

¹¹⁰ Машкова М. В. Из блокадных записей. С. 26 (Запись 10 марта 1942 г.).

от других людей. Им кажутся непонятными эти ритуалы и они оценивают их как начало деградации.

«Сейчас кажется, что никогда не будешь сыт. Такое чувство тяжелое, даже страшное, а страшное потому, что всего страшней это усиление еще большего голода», — отмечалось в одном из блокадных дневников.¹¹¹ Этот страх заставлял не только делить хлеб на десятки частиц и прятать сахар щепотками в коробочки. Боясь повторения невероятных страданий, вызванных голодом, некоторые блокадники, даже являясь крайне истощенными, готовы были копить хлеб и другие продукты, отрывая их от своего скудного пайка, сберегать деньги, позволявшие в будущем подкормиться на «черном рынке». Так, у одного из рабочих нашли после его смерти 3000 рублей и килограмм сахара, у другого — 1500 рублей. Домашние припасы обнаружили и у погибшего от дистрофии в декабре 1941 г. сотрудника Публичной библиотеки. Такие люди вызывали не только недоумение, но и презрение, особенно когда выяснялось, что кто-то из них «слезно просил... помочь с едой», а кто-то и «просил по крошке».¹¹²

«Голод тем и страшен, что нередко хороших людей искажает», — так оценивала поступок библиотекаря его сослуживица,¹¹³ но этим умершим людям было не до приличий. Наверное, они понимали, что так поступать нельзя, что могут умереть, но еще более чудовищным являлось то, что выворачивало наизнанку человека, заставило его кричать, не давало ему успокоиться ни на минуту. И возможно, чувствовали, что это нельзя будет вытерпеть, если не знать, что где-то есть припрятанные продукты и деньги, которыми в последнюю минуту, когда страдания станут невыносимыми, можно спастись.

7

Стала изменяться и культура еды — а она была прочно связана с рядом цивилизационных навыков. Особенно на это обращали внимание в столовых, куда ходили самые истощенные. Тарелки здесь

¹¹¹ Лепкович А. Дневник. 15 декабря 1941 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 59. Л. 8 об.

¹¹² Кок Г. М. Дневник. 22–25 декабря 1941 г.: Там же. Д. 48. Л. 22 об.; Воспоминания Н. И. Заказной. Цит. по: Чурсин В. Д. Указ. соч. С. 130.

¹¹³ Чурсин В. Д. Указ. соч. С. 130.

вылизываются до блеска. Никто и не стесняется — рядом люди ведут себя так же.¹¹⁴ Даже тут, на виду у всех, иногда едят немывтыми, закопченными руками — воды очень мало и ее трудно согреть. Еще в сентябре 1941 г. стали замечать, что в некоторых столовых отсутствуют ложки и вилки. М. С. Коноплева с раздражением писала в дневнике в это время о том, как «быстро докатились» столовые до уровня 1919–1920-х гг.: «Та же хорошо знакомая вобла, то же отсутствие приборов и та же раздраженная, жадная толпа».¹¹⁵ Есть ей пришлось стоя, поскольку все места были заняты: «Вилки в буфете не нашлось, я ела ложкой и суп и воблу, помогая, конечно, хлебом и рукой».¹¹⁶ Позднее это стало обычным. Так, в одном из официальных отчетов говорилось о Приморской фабрике-кухне и столовой № 1 Приморского района, где «часть столующихся пищу поедает тут же, без помощи ложек или вилок»¹¹⁷ — ждать голодные люди не могли. И. И. Жилинский писал в дневнике 18 января 1942 г. о том, что из-за отсутствия ложек «многие суп — водичку едят через край или лакают».¹¹⁸

В информационной сводке оргинструкторского отдела Ленинградского горкома ВКП(б) 26 марта 1942 г. приводятся и примеры работы таких столовых, которые отличались чистотой и уютом,

¹¹⁴ См. дневник А. С. Никольского: «Нравы голодные. Например: ходит обедать... один пожилой в сединах ученый. Он облизывает тарелки несколько раз. Другой помоложе, попроще одетый в шапке с ушами, в варежках, которые загадочно не снимал, взял с подноса, поданного официанткой, тарелку с супом. Она скользнула в руке, вернее в варежке и часть супа пролилась, на составленные стопкой использованные тарелки. Он не растерялся... Ничего не отвечая на упреки официанта, поставил тарелку на стол, слил с других тарелок пролившийся с них суп к себе, в тарелку, и стал есть» (*Никольский А. С. Дневник. 2 января 1942 г.: ОР РНБ. Ф. 1037. Д. 901. Л. 28*).

¹¹⁵ *Коноплева М. С. В блокированном Ленинграде. Дневник. 8 сентября 1941 г. ОР РНБ. Ф. 368. Д. 1. Л. 66.*

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Из докладной записки бригады по обследованию работы Главного управления ленинградских столовых и кафе Горкому ВКП(б). Март 1942 г. // 900 героических дней. С. 267.

¹¹⁸ *Жилинский И. И. Блокадный дневник // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 7.*

вежливым отношением официантов к посетителям. Но преобладает описание других столовых. Так, о двух залах Кировской фабрики-кухни говорилось, что там «царят хаос, беспорядок и антисанитария. Обеды выдаются зачастую в грязную посуду самих столующихся, обедают стоя за грязными столами, в залах холодно, грязно, обслуживающий персонал в грязных халатах, а у некоторых — черные от грязи руки и шея».¹¹⁹ В этом же документе имеются сведения о состоянии ряда столовых Куйбышевского и Октябрьского районов. Везде одна и та же знакомая нам картина: «Некогда культурная столовая “Метрополь”... превращена в грязную харчевню. Все работники носят грязные халаты, особенно отличается руководящий повар, у которого за поясом висит грязная тряпка вместо полотенца... Столовая № 12 того же Куйбышевского района... Здесь, например, студень и сыр отпускаются грязными руками, а суп наливается в грязные консервные банки прямо над котлом... Столовая № 18 Октябрьского треста столовых... В помещении стоит невероятный дым (плита неисправна), от потолка и стен буквально течет вода, за окном у самой раздачи — свалка нечистот».¹²⁰

Один из цивилизационных навыков — чувство брезгливости, притуплявшее в человеке животное начало. В блокадное время оно неминуемо должно было исчезнуть, иначе никто бы не выжил. Об этом писали многие. Волна воспоминаний — без патетики и извинений. И. Меттер вспоминал, как повар госпиталя из-за отсутствия посуды налил кашу его брату, мойщику, в калошу.¹²¹ Р. Малкова вспоминала, как головы селедок, полученные ею с военной кухни, оказались в густой черной саже и золе. Воды не было: «А есть так хочется. Терпения нет, и ели как пришлось».¹²² А. П. Бондаренко вспоминала, как военнослужащие разрешили ей взять ящик с очистками: там нашли окурки и обгоревшие спички.¹²³ Такие случаи, может, и не являлись частыми — но излишне говорить, чтобы кто-то пренебрег хлебом, упавшим в грязь, или кашей, если не хватало посуды.

¹¹⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4464. Л. 69.

¹²⁰ Там же. Л. 72.

¹²¹ Меттер И. Допрос. СПб., 1998. С. 51.

¹²² Махов Ф. «Блок-ада» Риты Малковой // Нева. 2005. № 9. С. 227.

¹²³ Бондаренко А. П. О блокаде: Архив семьи П. К. Бондаренко.

В пишу шло все: столярный и обойный клей, олифа, дуранда (жмыхи), отруби, ремни из свиной кожи, гнилые, почерневшие капустные листья («хряпа»), желуди.¹²⁴ Ели листья комнатных цветов и свечи.¹²⁵ Промывание «сладкой» земли на месте сгоревших Бадаевских складов стало обыкновением — копали ее сами или покупали на рынке.¹²⁶ Существовала даже особая такса: верхний слой этой земли, наиболее насыщенный сахаром (глубиной до 1 м) стоил 100 рублей, нижний — 50 рублей.¹²⁷

Брезгливость исчезала быстро — притерпелись и к запаху, и к вкусу этих машинных масел, костяных пуговиц, клея, вазелина для смазки деталей. «...Получил жир технический. Он грязен и вонючий, но теперь ему очень рад, и он выручает», — последнее было главным не только для В. Ф. Черкизова, сделавшего в дневнике такую запись,¹²⁸ но и для сотен других горожан. Когда в июне 1942 г. строжайше запретили выдавать суррогаты (промышленное сырье) для питания, то, например, выяснилось, что на заводе им. Жданова «рабочие настолько к ним привыкли, что остановить их было трудно».¹²⁹

¹²⁴ *Меттер И.* Избранное. С. 107; *Борисова Л. Г.* [Запись воспоминаний] // 900 блокадных дней. С. 56; *Кочетов В.* Улицы и траншеи. Записи военных лет. М., 1984. С. 324; Трудное время детства. Воспоминания Галины Казимировны Василевской // Испытание. С. 165.

¹²⁵ *Разумовский Л.* Дети блокады // Нева. 1999. № 1. С. 30, 60.

¹²⁶ «Бойкая молодая баба с двумя девчену[шка]ми (одна кассир, другая для рекламы: “Ой покупайте, как вкусно, только переварить”) без перерыва отпускали из огромного ведра баночки» (*Жок Г. М.* Дневник. 19–21 декабря 1941 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 48. Л. 1); см. также: *Соколов А. М.* Битва за Ленинград и ее значение в Великой Отечественной войне. С. 98; *Коноплева М. С.* В блокированном Ленинграде Дневник. 29 октября 1941 г.: ОР РНБ. Ф. 368. Д. 1. Л. 153; *Байков В.* Память блокадного подростка. С. 62; Воспоминания Анатолия Клавдиевича Лифорова // Испытание. С. 152.

¹²⁷ *Берггольц О.* Встреча. СПб., 2003. С. 170.

¹²⁸ *Черкизов В. Ф.* Дневник блокадного времени. С. 46 (24 января 1942 г.).

¹²⁹ *Сеничев П. И.* Ленинградский судостроительный завод им. А. А. Жданова в 1941–1943 гг. // «Я не сдамся до последнего...» Записки из блокадного Ленинграда. СПб., 2010. С. 163.

«Сколько бы ни ели, все было мало», — заметил тогда один из руководителей завода.¹³⁰ Именно весной 1942 г., несмотря на увеличение норм пайка, ощущение голода для многих блокадников стало непереносимым. Месяцы недоедания ударили по ним страшным бумерангом. Некоторые были готовы теперь есть все, что угодно и разыгрывались сцены, которые показались бы непривычными даже в декабре 1941 г. А. С. Уманская обратила внимание, как в мае 1942 г. одна из женщин, уходя из магазина, не удержалась и здесь же начала есть «только что выданную селедку»¹³¹ — но то ли еще видели весной 1942 г. Вот рассказ заводской работницы, посланной расчищать помойку в марте 1942 г.: «Сняли два или три мертвых тела, слой нечистот и под всем этим нашли довоенную картофельную шелуху, замерзнувшую в лед, и съели ее тут же, разделив между собой».¹³²

Случай кажется неправдоподобным, если бы мы не узнавали из иных блокадных описаний о тех же трупях во дворах и на помойках, залитых нечистотами,¹³³ о том, как неудержимо съедалось тут же, на месте, все, что считалось съедобным: стоило лишь попробовать и не могли остановиться. Еще более горькое свидетельство об унижении, пережитом голодными людьми, мы обнаруживаем в дневнике Э. Левиной — и также в записи, датированной весной 1942 г.¹³⁴ Но и ра-

¹³⁰ Сеничев П. И. Ленинградский судостроительный завод им. А. А. Жданова в 1941–1943 гг. // «Я не сдамся до последнего...» Записки из блокадного Ленинграда. СПб., 2010. С. 163.

¹³¹ Уманская А. С. Дневник. 19 мая. 1942 г.: ОР РНБ. Ф. 1273. Д. 72. Л. 31.

¹³² Рассказ блокадницы, выступавшей в школе в 1979 г., был записан О. Гречиной (*Гречина О.* Спасаясь спасая. С. 240). Примечательно его продолжение: «Ела не только торф, а и сырые головы от рыб, которые приносила ей из кухни ее подруга — уборщица» (Там же.).

¹³³ Одно из таких описаний мы встречаем в дневнике И. И. Жилинского: «На Дибуновской ул. у помойной ямы лежит женщина, и у ног ее ребенок...» (*Жилинский И. И.* Блокадный дневник // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 12 (Запись 10 марта 1942 г.)). См. также дневник А. Т. Кедрова: «...В домохозяйстве во двор с верхнего этажи был сброшен труп, на который затем жители сливали нечистоты» (*Кедров А. Т.* Дневник. 16 февраля 1942 г.: НИА СПбИИ РАН. Ф. 332. Оп. 1. Д. 59. Л. 119).

¹³⁴ «Вспоминаю лужицу супа вчера на улице. Пролила девочка — несколько человек вылизывали, став на колени.» // *Левина Э. Г.* Дневник. Человек в блокаде. С. 164 (Запись 1 апреля 1942 г.).

нее не брезговали ничем, пытаясь хоть как-то утолить чувство голода. Об этом подробно и откровенно написано в воспоминаниях 12-летней Риты Малковой. Ее рассказ о том, как она «дежурила» у столовой госпиталя — одно из самых трагических свидетельств о блокаде. Очистки, вынесенные из кухни, они с матерью добавляли к соевому кефиру и «черной хряпке»: «А когда ничего нет, то сидим с мамой голодные... А когда выбросят еще до прихода мамы, то я не иду ее встречать... сижу и собираю разные отбросы». ¹³⁵

Возвращаясь с работы, мать сразу, не заходя домой, шла к полойке. Так и спаслись они в первую военную зиму. Туда приходили и другие люди, столь же голодные: «И когда выносили из столовой бак или ящик с капустными листьями, то все даже дрались и ругались, каждый хотел, чтобы ему дали». ¹³⁶ Память выхватывает из прошлого фрагменты разных блокадных историй, неожиданно обрывая их, делая их предельно простыми. Они не связаны между собой, но отмечают всегда одно — безысходность. У них есть ответвления, но в этом и особая их ценность. Только так, узнавая о всех деталях блокадного быта, мы можем почувствовать это страшное время, эти страдания затерянных на блокадном дне людей. Обессиленным, не ждущим ни от кого помощи, им не оставалось выбора, и они шли на все, чтобы выжить: «Но вот один раз, в воскресенье, мама была выходная и сидела дома, все прибирала. А я пошла дежурить около столовой, чтобы перехватить бак. В воскресенье все хорошее выбрасывали. И вот вынесли бак, я его схватила, а он тяжелый. Я его волоку по земле. Но вот больше не хватает сил и я стала кричать в окне маме. Мама прибежала». ¹³⁷

Она поправила свой рассказ через 60 лет: «Нет, неправильно я тогда написала. Мама не могла, конечно, бегать. Она едва ходила. Держалась за стенку дома. Иногда падала. Помню, один раз упала

¹³⁵ *Махов Ф.* «Блок-ада» Риты Малковой. С. 226. Ср. с записью в дневнике А. Ф. Евдокимова: «Выходя из... столовой, я споткнулся в коридоре на сидевшего старика. Он бессильно полулежал у стены и, выбирая из помойного бачка грязные конские кости, с волчьей завистью грыз их дряхлыми зубами» (*Евдокимов А. Ф.* Дневник. 5 декабря 1941 г.: РДФ ГММОБЛ. Оп. 1 р. Д. 30. Л. 75).

¹³⁶ *Махов Ф.* «Блок-ада» Риты Малковой. С. 226.

¹³⁷ Там же.

прямо в лужу и у меня не было сил ее поднять. “Дяденька! Тетенька! Помогите поднять маму”, — просила я прохожих». ¹³⁸

8

Стояние у кухонь в ожидании каких-либо остатков съестного наблюдалось и в других местах. Так, лечившийся в госпитале Г. Юрмин описал очередь у столовой военторга. В ней находились вольнонаемные на военной службе: от слесарей-водопроводчиков до уборщиц. Все истощены до крайности, все с тарелками в руках, все в белых халатах — возможно, боялись, что их выгонят как не имеющих отношения к госпиталю. Г. Юрмин пишет, что у всех из них дома оставались опухшие и отекавшие родные и близкие — вероятно, здесь же рассказывали о своих семейных бедах, ожидая встретить сочувствие. Не до приличий, некого стыдиться — все такие же голодные. Все терпеливо ждут: «Каждый рассчитывает, что хоть какая-то малость ему все же перепадает. О полноценной порции никто и думать не смел, а вот на остаточки с тарелок рассчитывали все». ¹³⁹

Кто-то пройдя через унижения, мог все же в столовых — военных, заводских, учрежденческих, академических — получить какую-то «добавку». Другим это не удавалось. Не имея сил терпеть голод и потеряв надежду вымолить хоть что-то, они должны были унижаться еще сильнее, здесь же, на глазах у всех облизывая чужие тарелки. ¹⁴⁰

И. Д. Зеленская, заведовавшая столовой на электростанции, видела таких унижающихся каждый день. Отличительная их примета — какая-то безропотность умирания. Не обижаются, не ищут виновных, не жалуются, принимают смерть как неизбежность. Сопротивление ей — скорее инстинктивное, чем осознанное. «Какая

¹³⁸ Махов Ф. «Блок-ада» Риты Малковой. С. 227.

¹³⁹ Юрмин Г. Санкт-Ленинград // Нева. 2004. № 1. С. 254; см. также дневник И. Д. Зеленской: «Каждый вечер в столовой выстраиваются очереди за остатками» (Зеленская И. Д. Дневник. 3 декабря 1941 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 35. Л. 37 об).

¹⁴⁰ Намочилин И. С. Дневник. 19 января 1942 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 79. Л. 22 об.; Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 461; Гречина О. Спасаясь спасая. С. 240.

страшная вереница погибших перед глазами», — вспоминала она в июле 1942 г. — «...Мальчик Зеленков... Как он прилипал к столовой загородке, не в силах отойти от зрелища еды, которой он не мог получить... Старый Фролов, вымаливающий второй «супчик»». ¹⁴¹

Она пишет и о другом рабочем. Тот грубо и требовательно вел себя в столовой. Вскоре он потерял «карточки» и документы. Она встречала его здесь же, «такого пришибленного, даже сгорбившегося, деликатно благодарящего за одинокую тарелку бескарточного супа, которую мы ему отрываем и за кусочек хлеба из добавочного пайка». ¹⁴² И. Д. Зеленская, возможно, готова была увидеть у него проявление раскаяния, но чувствуется, что и в нем что-то сломалось.

Кроткие, какие-то неестественно ласковые, покорно выслушивающие упреки — такими становились некоторые блокадники после многодневной голодовки. «Дойти я, конечно, не могу. Кисулька повезет меня на санях. Это очень унижительно, но ничего не поделаешь, хочешь жить, не смотри на это... Киса... не дает ничего в руки, чтобы я не тратил оставшихся еще сил. Меня это очень угнетает, но я ничего поделать не могу. Я в ее власти, она знает, что делать со мной и что мне лучше», — это запись технолога-нормировщика Н. В. Фролова о том, что ему пришлось пережить в начале февраля 1942 г. ¹⁴³ Когда М. К. Тихонова (жена поэта) увидела в апреле 1942 г., как люди плакали, встречая первый трамвай и уступали место в нем, то почувствовала в этом что-то «дистрофическое». ¹⁴⁴ Бороться, добиваться чего-то, постоять за себя сил не было. Оставалась одна надежда — на жалость других людей. Только бы не отказали в куске хлеба, в полене дров, не отгеснили бы от печки, не отобрали «карточки», не выгнали из дома. Они, и еле двигаясь от недоедания, старались казаться не лишними, пытались отблагодарить хоть чем-то. Этих людей,

¹⁴¹ Зеленская И. Д. Дневник. 23 июля 1942 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 35. Л. 92 об.

¹⁴² Зеленская И. Д. Дневник. 12 декабря 1941 г.: Там же. Л. 42 об.

¹⁴³ Фролов Н. В. 1–3 февраля 1942 года // Краеведческие записки. Исследования и материалы. СПб., 2000. С. 321–322. «Кисулькой» называет Н. В. Фролов свою жену.

¹⁴⁴ Фадеев А. Ленинград в дни блокады (Из дневника). С. 118.

готовых прибиться к любому очагу, даже ничего не просящих, видели в то время многие. Н. Ерохина описывала одного из них, который, будучи самым слабым, не разрешал никому выносить ведра: «Стал стариком, с лихорадочными глазами истощенного, худой... говорит в нос. Такой покорный, виноватый... стал чувствительный такой, сентиментальный. Даже несколько раз готов был прослезиться».¹⁴⁵

Видеть в этом лишь нравственное «просветление» трудно: интерес нередко сохраняется только к еде, утрачивается воля к сопротивлению. Чем пристальнее вглядывались блокадники в лица таких людей и придирчивее оценивали их поступки, тем отчетливее обнаруживали у них признаки распада — физиологические, духовные и социальные. «Эта кротость, как мы уяснили потом, была действительно началом смерти. Как раз в этом состоянии человек начинал все говорить с употреблением суффикса “ика” и “ца”: кусочек “хлебца”, “корочка” и “водичка” и становился безгранично вежливым и тихим». Это признание О. Берггольц, одной из самых чутких и беспристрастных летописцев блокады.¹⁴⁶

Так происходил тотальный крах всех форм цивилизованного существования — разрушение одной из них обуславливало и исчезновение других. Выстоять удавалось не всем. В распаде человека в «смертное время» есть что-то неизбежное. Сама цепочка причин и следствий, итогом которой была деградация людей, выглядит неумолимо логичной.¹⁴⁷ Каждый акт блокадного бытия, отмеченный

¹⁴⁵ Ерохина (Клишевич) Н. Н. Дневник. 15 июня 1942 г: РДФ ГММОБЛ. Оп. 1 л. Д. 490. Л. 35–36.

¹⁴⁶ Берггольц О. Встреча. С. 162.

¹⁴⁷ См. запись З. А. Игнатович о главном бухгалтере лаборатории, в которой она работала: «Нас, всех сотрудников поражал какой-то исключительной культурностью и большой деликатностью, которые как-то даже не вязались с его должностью... Быстро худел и как-то сразу невероятно опустился: перестал за собой следить, не причесывался, не мылся и ходил как потерянный... За стол садился раньше всех и ждал с нетерпением этой раздачи [питательного порошка. — С. Я.]. Свою порцию он моментально съедал в сухом виде и продолжал с каким-то лихорадочным взглядом следить за окончанием раздачи, буквально впившись в банку с порошком и слезно умолял: “...дайте пожалуйста мне облизать ложку»» (Игнатович З. А. Очерки о блокаде Ленинграда: ОР РНБ. Ф. 1273. Д. 26. Л. 33).

ломкой цивилизованных обычаев, являлся ступенью к следующему этапу распада человеческой этики. Кто мог поделиться хлебом и кашей? Человек, готовый идти на любые унижения, чтобы их получить? Прячущий запасы еды, но выпрашивающий ее у других? Разорвавший связи с близкими людьми, замкнутый и безразличный к чужим страданиям? Опустившийся, утративший представление о стыде и достоинстве, движимый лишь животными чувствами?

Люди не сразу становились такими. Этапы и формы их деградации во многом отличались. Но изучая любую историю блокадной смерти, нельзя не заметить последовательность проявления одинаковых для всех симптомов распада — даже у самых стойких. Блокадный человек подтачивался и с ошеломляющей быстротой и постепенно, исподволь — все зависело и от его жизненных условий, часто менявшихся, и от присущей ему силы сопротивления, в спаянности ее физической и духовной составляющих.

Признаки распада нравственных норм

1

Самыми характерными приметам распада нравственных норм в «смертное время» являлись обман, воровство, грабеж и мародерство. Чаще всего обманывали на импровизированных рынках.¹⁴⁸ Схема обмана была традиционной: предлагались на продажу или обмен суррогаты, по внешнему виду похожие на натуральные продукты. Так, вместо конфет могли продать мастику, вместо масла олифу, вместо манной крупы — «состав, из которого делался клей»; «химический продукт», по выражению одного из блокадников, был, собственно, главным объектом этих мошеннических операций.¹⁴⁹ Впрочем,

¹⁴⁸ Интервью с А. Н. Цамутали // *Нестор*. 2003. № 6. С. 263; *Жилинский И. И.* Блокадный дневник // *Вопросы истории*. 1996. № 5–6. С. 18 (запись 30 декабря 1941 г.).

¹⁴⁹ Интервью с С. П. Сухоруковой // *Нестор*. 2003. № 6. С. 177; *Ковальчук В. М.* 900 дней блокады. С. 74; *Стругацкий А.* Дневник. С. 34 (Запись 27 декабря 1941 г.).

варианты могли быть самыми неожиданными — о них сообщалось даже в сводке германской службы СД, составленной весной 1942 г.¹⁵⁰

Были и более запутанные и драматические истории. В. Инбер рассказывала, как одна «аферистка», выследив мать и дочь в очереди, познакомилась с ними, «втерлась в доверие» и обещала устроить дочь судомойкой в военном госпитале: «Взяла у девочки обе карточки, ее и матери, за весь месяц и сорок пять рублей денег, взятые матерью у кого-то взаймы. Все это якобы для выкупа продуктов. И тут же в темноте исчезла».¹⁵¹ Это, видимо, было последнее, что они имели,¹⁵² и «аферистка», выманивая и жалкие по тогдашним рыночным меркам 45 рублей, несомненно знала об этом.

Существовали и более «легальные» приемы обмана, например, обвешивание в булочных и магазинах. Продавцам быстрее удавалось обмануть покупателей, когда хлеб выдавался сразу по нескольким карточкам и хищение его было не так заметно.¹⁵³ В. Базанова, не раз обличавшая в своем дневнике махинации продавцов,¹⁵⁴ подчеркивала, что и ее домработницу, получавшую в день 125 г хлеба, «все время обвешивают грамм на 40, а то и на 80»¹⁵⁵ — она обычно выкупала

¹⁵⁰ Выдержка из доклада СД об обстановке весной 1942 года // Звезда. 2005. № 9. С. 182.

¹⁵¹ *Инбер В.* Почти три года. С. 191 (Дневниковая запись 3 февраля 1942 г.).

¹⁵² «Мать раздирающим... голосом все повторяла: “Люля, Люля, что ты со мной сделала! Ты меня живую в гроб уложила!” А Люля, судорожно прижимая муфточку к груди, глядя в одну точку, шептала: “Какая ночь предстоит.”» (Там же).

¹⁵³ См.: *Змитриченко А. О.* [Запись воспоминаний] // 900 блокадных дней. С. 93.

¹⁵⁴ *Базанова В.* Вчера было девять тревог... С. 128 (Дневниковая запись 5 ноября 1941 г.).

¹⁵⁵ Там же. С. 129 (Дневниковая запись 8 декабря 1941 г.); о фактах обвешивания покупателей и последующем обмене похищенного хлеба на антикварные вещи см.: Павлов Д. В. Ленинград в блокаде. Л. 1985. С. 174. В информационной справке, составленной Приморским РК ВЛКСМ, отмечалось, что комсомольские контрольные посты обнаружили «ряд недосесов 5–10 гр. в магазинах № 6, 50, 56» (Информация Приморского РК ВЛКСМ Ленинградскому ГК ВЛКСМ. 15 января 1942 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. К–118. Оп. 1. Д. 78. Л. 5).